

Андрей Кокоулин

**Неизлечимый
детектив**

Андрей Кокоулин

Неизлечимый детектив

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Неизлечимый детектив / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837134-9

Повесть. Пародийный «английский» детектив. Знаменитый сыщик Родерик Гарпаст с непременным напарником Джонатаном Ривольдом волею случая оказываются в поместье Эмберхилл и успевают в аккурат к убийству.

ISBN 978-5-44-837134-9

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Письмо и жирандоль	6
Глава 2. Поезд и кэб	17
Глава 3. Убийство!	28
Глава 4. Труп и все остальные	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Неизлечимый детектив

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2017

ISBN 978-5-4483-7134-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Письмо и жирандоль

Когда я спустился в общую гостиную, стол был уже накрыт.

В широкое окно струился серый утренний свет, продравшийся сквозь путаницу ветвей. С крыши соседнего дома капало. Мостовую пятнали лужи.

Снова оттепель.

– А, Джонатан!

Мой друг и компаньон Родерик Гарпаст, появившийся в дверях, был гол по пояс. Только что побритые щеки краснели. Мокрые волосы слиплись на лбу. На перекинутом через плечо полотенце стыл пенный след.

– Доброе утро, Родерик, – сказал я.

– Пустое, друг мой.

Гарпаст, поежившись, сел за стол.

Серые глаза его вдруг остекленели, косо очертился рот. Пальцы правой руки выбили короткую дробь по пустому блюдцу.

– Ашша... бэбжу...

Я, как человек, привыкший, что мыслительный процесс может застать Родерика в любой момент, преспокойно проследовал в уборную.

Душ придал мне бодрости.

Я подровнял усы над верхней губой, сделал массаж лица по собственной методике, сбрызнул виски туалетной водой и вернулся в гостиную посвежевшим и окончательно проснувшимся.

«Отмякший» Гарпаст уже намазывал масло на кусок булки.

– Знаете, Джонатан, что я подумал? – сказал он мне.

– Увы, без понятия.

Я взял с полки спички и присел перед каминным зевом.

– У каждой тайны есть своя специфика, – Родерик отложил нож и потянулся за кофейником. – Их можно рассортировать, как карточки в моей картотеке.

– По алфавиту?

Я чиркнул спичкой и поднес ее к растопке. Желтые язычки огня побежали по старому номеру «Таймс».

– Почему же? – удивился Гарпаст. – Сначала по величине. Тайны мироздания. Тайны природы. Затем тайны более мелкие. Тайны физические и химические. Тайны физиологии и психики. Тайны мозга.

Я раздул огонь небольшими мехами, отряхнул ладони и тоже сел за стол. Родерик подвинул мне масленку.

– Но зачем?

Откусив от булки, я посмотрел на Гарпаста.

– Затем, что тайны человеческих преступлений на фоне всех остальных тайн – величина исчезающе малая. К тому же, – грустно сказал мой друг, – чаще всего они вовсе не являются тайнами.

– Скажите это полиции, – фыркнул я.

– Ну, полиция...

Гарпаст, жуя, что-то неразборчиво проворчал.

Щеки его двигались, и пропущенный бритвой участок кожи щетинился волосками. Мой друг и компаньон был не слишком щепетилен к своей внешности.

В прихожей звякнул колокольчик.

– Думаете, кто? – быстро спросил Родерик, устраивая привычную проверку моим способностям.

На носу у него темнел завиток джема.

Я склонил голову, прислушиваясь к тяжелым шагам, и сказал:

– Скорее всего, миссис Терриберри.

Гарпаст скривил губы.

– Не надо много ума.

– Джентльмены, – услышали мы надтреснутый голос, – вы завтракаете?

– Да, – ответил Родерик.

– Прекрасная свежая булка, – добавил я.

– Это из магазинчика на Бейкер-стрит.

Судя по звукам, миссис Терриберри сняла и повесила плащ и шляпку, костяной ручкой насаживаясь на крючок, цокнул зонтик, стукнули каблуки сменяемых туфель.

– Ужасная погода.

Миссис Терриберри, прижимая к груди пакет от зеленщика, медленно проплыла мимо гостиной в кухню.

Приходилось признать, лучшие годы нашей домохозяйки остались далеко позади. Нет уже живости движений, нет и ног, на которые хочется бросить взгляд. Есть одышка, любовь к закрытым платьям, сутулость и обсыпанные пудрой волосы.

– А у миссис Лэмли протекла крыша, – сказала она словно бы самой себе.

– Весна, – философски заметил мой друг.

– У моего покойного супруга, мир его праху, – миссис Терриберри, оставив пакет на кухне, пошаркав, вернулась к нам, – была такая же манера коротко говорить, мистер Гарпаст. Я, конечно же, не видела в ней ничего плохого, но иногда это казалось мне невыносимым. Война, Вивиан. Судьба, Вивиан. Увы, дорогая. Вот и все, что я от него слышала. Мне даже хотелось его убить...

– Это признание? – поднял бровь Родерик.

– Нет, он умер от пули, застрывшей у него в спине во время восстания этих ужасных сипаев, хотя и прожил потом целых девять лет.

Миссис Терриберри обошла стол, поправляя салфетки и чашки. Мимоходом с носа Гарпаста исчез и джем.

– Кстати, вам письмо.

Плотный коричневый конверт упал на стол между моей тарелкой и кувшинчиком молока. В глаза мне бросилось тиснение на штемпеле: Шорсфилд-таун.

– Ага!

С Родерика слетело уныние, он коршуном завис над письмом, не торопясь, впрочем, касаться его руками.

– Я перехватила почтальона, – сказала миссис Терриберри.

– Джонатан, это замечательно! – воскликнул Гарпаст.

Я вытянулся над столом рядом с ним, отхлебнул кофе.

– Хм, – сказал я.

На конверте кроме штемпеля был аккуратным почерком написан наш адрес, а также, с завитушками, – «м-ру Родерику Л. Гарпасту».

Мы переглянулись.

Мой друг склонился ниже, рассматривая почерк писавшего.

– Я бы сказал, – протянул он через несколько секунд, – что владелец почерка – человек уверенный и простой, даже несколько легкомысленный. И еще он слегка измазал ребро ладони чернилами. Видите этот фиолетовый след?

Я признал, что вижу.

– О чем это говорит? – спросил меня Гарпаст.

– О неаккуратности?

– Вы думаете? – Родерик потер пальцами подбородок. – Нет, тут что-то другое. Дорогой конверт, твердая рука и вдруг – небрежность с чернилами?

Миссис Терриберри, до того протиравшая пыль за нашими спинами, подойдя к окну, пошире отдернула шторы.

– В маленьких городках, джентльмены, – сказала она, – мало кто даже грамоте обучен. Поэтому чаще всего надписать конверт просят почтовых служащих. А уж они-то не преминут заляпаться.

Гарпаст хлопнул себя по лбу.

– Конечно же, Джонатан!

Он сел, прихватив конверт. Понюхал его, покрутил перед сощуренными глазами, наконец, попробовал на зуб.

– Итак, – сказал я, подвигая к нему стул, – наш инкогнито – малообразованный человек?

– Возможно, – уклончиво ответил Родерик. – Или же он не хотел, чтобы я узнал о нем по почерку. Кстати, Джонатан, Шорсфилд-таун ни о чем вам не говорит?

Я задумался.

– Нет, как-то ничего.

– Вот-вот, – мой друг принял от предусмотрительной миссис Терриберри тонкий нож для разрезания бумаги. – Помните, позавчера мы с вами читали избранные некрологи по Королевству за прошлую неделю? Никаких загадочных смертей – утоплений, удушений или самоубийств. Ничего! Из других примечательных новостей – одно банкротство и одно принудительное помещение в психиатрическую клинику. А уж в Шорсфилд-тауне...

Он качнул головой.

– В этом прибежище меланхолии...

Нож чиркнул, как рыбине вспарывая конверту брюхо. Добычей Родерика стал небольшого размера вдвое сложенный листок.

– На обед будет мясо с овощами, – удаляясь, сказала миссис Терриберри.

– Да, – кивнул Гарпаст, вряд ли понимая, о чем ему только что сообщили. Он расправил листок, являя свету неровные буквенные ряды, и подвинул его ко мне. – Читайте, Джонатан.

Я отставил в сторону вазочку с джемом.

Слова выгибались и пестрели чернильными наплывами, кое-где вместо букв была просто процарапана бумага.

– «Дорогой Родина! – начал я, вздохнув. – Надеюсь, ты еще помнишь свою тетушку. Помнишь наш старый дом, кота Ливера, помнишь воскресную школу...»

– Стоп! – Гарпаст накрыл письмо ладонью. – Мой друг, что вы можете сказать по первым строчкам?

– Э-э... Вам пишет ваша тетушка.

– Прекрасно.

– Похоже, она соскучилась.

– Превосходно!

– И судя по особенностям письма, она страдает подагрой.

– Да? – Родерик, наклонившись, заинтересованно пробежал глазами не накрытый ладонью текст. – Вы делаете успехи, Джонатан. Действительно, ваша версия подагры вполне правдоподобна. Но! Вы как всегда спешите. Что мы видим даже по первым строчкам? Родина. Буква «о» прочерчена сухим пером и затем не обведена. Между прочим, буква в имени. Человек, долго меня не видевший, постарался бы четко написать имя, как бы там ни слушались его пальцы. Тем более, письмо хоть и не ровное, но достаточно быстрое. Следовательно...

Гарпаст посмотрел на меня.

Мимо окон прогремел кэб. Грязная вода плеснула из-под колес.

– Волнение?

– Именно! Тетушка Ида не на шутку взволнована. Что-то у нее случилось. Хотя я... – Родерик сосредоточенно ушел взглядом в молочник и замолчал.

Он замер скособоченный, с неловко подвернутой ногой. Полотенце поползло с плеча.

Смотреть на него было больно. Боюсь, однажды усиленные мозговые процессы включатся в Родерике в самый неподходящий момент.

– Кхм, – кашлянул я.

Мой друг, вздрогнув, поднял голову.

– Да, так вот, – как ни в чем не бывало продолжил он. – Ни в «Таймс», ни в «Обсервер», насколько я знаю, о каком-либо происшествии в Шорсфилд-тауне или его окрестностях не сообщалось. Из чего можно сделать вывод, что происшествие либо прошло незамеченным, либо его старательно скрывают от общественности.

– Вы правы, – сказал я.

– Еще бы! – всплеснул руками Гарпаст. – Читайте дальше.

– Читаю, – сказал я. – «Наверное, ты помнишь и о приближающемся юбилее твоего дяди.

В конце марта ему исполнится шестьдесят. И заранее прошу прощения, Роди, за стиль своего письма – в лавке мистера Дженнистона мне продали дрянные перья, дешевые, но совершенно никчемные, они, извини, то пишут, то пачкают, а то и вовсе де...».

– Черт!

Мой друг Родерик Гарпаст отправил нож для разрезания бумаги в этажерку. Ни в чем не повинный «Топографический атлас Королевства» лишился клочка темной кожи на переплете.

Будь Родерик в халате, с неизменным «бульдогом» в кармане, атлас мог и не пережить сегодняшнего утра. Простреленная фотография мистера Терриберри, присутствующего на конном поло, тому пример.

– ...рут, – закончил я, переждав звон упавшего на пол ножа.

– Да! – Родерик развел руками. – Да, мы оба ошиблись, Джонатан. Это, конечно, ни в коем разе не умаляет моей квалификации, а лишь говорит о том, что я пошел у вас на поводу... – раздраженный, он встал, повесил полотенце на спинку стула, разгладил его и шагнул к лестнице, ведущей в комнаты наверху. – Я с самого начала подумал про перья, с самого начала! Но эта ваша подагра... Вам нужно в дальнейшем крайне осторожно высказывать свое мнение.

– Хорошо, – сказал я.

– Чтобы не сбивать...

Гарпаст поднялся по ступенькам, бросил на меня укоризненный взгляд и исчез за дверью.

Отложив письмо, я занялся окончанием завтрака. Кофе с молоком, булочка с маслом и джемом, тепло, исходящее от камина – что может быть лучше ранним весенним утром?

Обвинения Родерика на меня подействовали мало.

Я привык быть при нем, привык к его капризам и эксцентрике, молчаливым извинениям, внезапному дикому хохоту, неопрятности в одежде и долгим сплинам.

Привык к тому, что он тренирует на мне свое детективное мастерство, привык следовать за ним, исполнять его поручения, слушать нотации и сносить издевки.

Кому-то, наверное, моя привязанность покажется странной. Бог мой! Три года жизни под одной крышей – почти что вечность.

Но во всем этом у меня был свой интерес.

Мои записки о расследованиях Гарпаста, посланные в издательство Лонгмэна, взялись печатать, и в течение полугода, одна за другой, вышли три книги.

Джонатан Ривольд. «Дело о кольцах власти». «Дело об отравленном пенни». «Убийца в платяном шкафу».

Я разбогател на двенадцать фунтов, удостоился благожелательной критики и стал видеть в Родерике если не музу, то определенно соавтора своего успеха. Прощайте редкие статьи в «Стрэнд» и очерки в «Морнинг пост»!

Теперь я жаждал новых приключений едва ли не больше самого Гарпаста. Но увы, загадочные происшествия не торопились.

Уютно пощелкивали, прогорая, поленья, взгляд мой лениво следил за воробьями, усеявшими ветки вяза, джем таял на языке.

Не знаю, куда в меня лезет. При всей моей любви к еде (особенно, к хорошо прожаренному мясу), я остаюсь худ и длинен, в то время как Родерик от стряпни миссис Терриберри часто прибавляет в весе, а затем садится на жестокую пудинговую диету.

Видимо, моя конституция...

– Джонатан!

Возглас Гарпаста прервал мои размышления.

Мой друг бодро сбежал по лестнице. Был он уже готов к улице: сорочка, визитка, кепи, черные, в серую полоску брюки. На ногах – домашние туфли, но через руку перекинут макинтош.

– Мы куда-то идем? – спросил я.

– Разумеется.

– Что ж, – я допил кофе и с достоинством опустил чашку на блюдце, – я готов.

Гарпаст округлил глаза.

– В кальсонах?

– Вы же предполагали от меня именно такой ответ?

– Нет, – Родерик сгреб со стола письмо, – я все же предполагал, что вы оденетесь.

– Ах, вот как!

Я отодвинул стул.

– Ну, давайте, давайте, – Гарпаст, морщась, подтолкнул меня к лестнице. – Я вас подожду.

Он остановился у окна, сложив руки с письмом за спиной, невысокий, плотный, задумчивый детектив. Подсохшие волосы щеткой торчали из-под кепи.

Наверху я быстро скинул бязевое нательное белье и, покрываясь мурашками, достал из комода сорочку, а из платяного шкафа – коричневые брюки и сюртук.

Одеваясь, несколько раз смотрел в зеркало – как усы, каков общий вид. Щеки казались бледными, чуть сизоватыми. Глаза – выпуклыми и сонными.

Переел что ли?

Записная книжка, пара карандашей, носовой платок, перчатки, склянка с нашатырным спиртом отправились в походный саквояж. Портмоне угнездилось во внутреннем кармане.

Оглядывая комнату, я вдруг подумал, что ничто так не говорит о человеке, как место его обитания. Разъяснить меня, например, можно в один момент.

Нигде на стенах нет ни фотографий, ни памятных табличек или дипломов. Значит, жилец отрешился от своего прошлого. Оно ему не по нутру, что-то, видимо, случилось в том прошлом, не слишком приятное. Дагерротип мужчины с печальными глазами на краю стола с трафаретной надписью «Э. А. По» – это, скорее всего, духовный учитель. Громоздкий «Ремингтон» с заправленной в каретку бумагой говорит о литературных опытах, судя по жидкой книжной полке, не слишком удачных. Но можно предположить, что жилец пока только пробует себя как писатель. Э. По в таком случае становится уже объектом для подражания. Застеленная кровать и сложенное горкой белье выдают аккуратиста, а расческа и маникюрные ножницы на полке – склонность к самолюбованию. Небольшое количество предметов заставляет полагать, что человек равнодушен к вещам, возможно, беден или же видит в комнате лишь временное пристанище. Еще можно добавить, что жилец одинок (одна подушка на кровати,

отсутствие женского белья), но находится в поисках подходящей пары (опять же – расческа и ножницы), а еще – часто работает ночами (огарки свечей).

Собственно, и все.

Гарпаст, наверное, извлек бы втрое больше информации. Я не слишком внимателен к засаленным манжетам, пятнам соуса на застиранной манишке, узорам пыли у ножек шкафа или еще чему-то подобному, поэтому и ограничен в выводах.

Подхватив саквояж, я вышел.

– Наконец-то! – обрадовался Родерик. И прищурился. – Вы что-то не в духе.

– Все нет.

Пока я спускался, он взирал на меня, склонив набок голову. Кепи с ушами сделало его похожим на любопытного спаниеля.

– Скажите, Джонатан, – сказал Гарпаст, поймав меня за локоть на нижней ступеньке, – что там у вас?

Мы двинулись в прихожую.

– Где? – спросил я.

– В вашей комнате. – Родерик сел на пуф у двери и, переложив макинтош на колени, принялся переобуваться в короткие сапожки. – У вас там что, мумифицированная возлюбленная? Прах родственников? Мертвый дрозд?

Я фыркнул.

– Я серьезно, – мой друг встал и полез руками в рукава макинтоша. – Как-то она на вас угнетающе действует. Хотите, поменяемся?

– Нет, спасибо, – я накрутил шарф на горло.

– И все же, – Гарпаст повернул меня к себе, – мне не нравится ваш мрачный вид.

Он поправил мне ворот сюртука.

– Я одинок, – сказал я.

– Ха! Не верю! У вас есть я!

Я вздохнул.

– Да-да. И миссис Терриберри.

– Я – лучше, – сказал Родерик, берясь за дверное кольцо.

– Мы ушли, – крикнул я в направлении кухни.

И вслед за Гарпастом под звон колокольчика выбрался из дома.

Улица встретила нас свежестью, серым небом, расчерченным дымами фабричных труб, запахами земли и выпечки и фонарщиком на лестнице.

Мы немного прошли по Мерилибон-Роуд.

– И куда мы идем? – не выдержал я.

– Вперед, – просто ответил Родерик, огибая лужу.

– Зачем?

– За жирандолом, мой одинокий друг.

Помолчав, я спросил:

– Нам нужен жирандоль?

– Во-первых, это красиво, – Гарпаст свернул на Глостер-плейс. – Дерево, слоновая кость, хрусталь. Во-вторых, Джонатан, если взяли, письма все же надо дочитывать. Это будет подарок моему дяде.

– То есть, вы едете?

– Вы тоже.

– Я думал, мы здесь...

Гарпаст живо повернулся.

– А что здесь, Джонатан? – он широко развел руки и чуть не сбил джентльмена в добротном пальто. – Извините... Здесь тоска! Убийства, к которым не нужно искать ключик. Убийцы,

которые столь ущербны, что тут же дают поймать себя полиции. Может, мне стоит переквалифицироваться в специалиста по мошенничествам и адюльтерам? Будет спрос, полагаю.

– Что-то вы, по-моему, излишне...

– Нагнетаю? Ничуть!

– В черных тонах...

– Да хоть в багровых! – Родерик остановился у двухэтажного здания с вывеской «Антикварные товары, Томас и Томас». – Кстати, мы пришли. Лучше уж сельские пасторали, – тише добавил он. – Заведу себе овец...

Здание было тоскливо-серое, с массивной дверью и высокими окнами, заключенными в узорчатые решетки. На широких перилах лежали каменные львы.

Внутри, отражаясь в зеркалах, горели электрические лампы, вокруг застекленных полок тянулся деревянный барьер. Прилавок под зеленым сукном был завален бумагами. В углу стояли доспехи, на стенах висели щиты. Темнел проход вглубь.

Ни первого, ни второго Томаса видно не было. Бей стекло, забирай, что приглянется.

Мой друг Гарпаст, похоже, подумал о том же. Походил, оценивая китайские вазы, серебряные ложки, фигурки из нефрита и коллекцию карманных часов, покачал головой.

– Фунтов двадцать-двадцать пять навскидку... Воровской рай... – пробормотал он. – Как они дела-то ведут при такой беспечности?

– Здравствуйте!

Голос из темноты был настолько сладок, что я вздрогнул.

– Добрый день!

Толстощекий мужчина в клетчатом пиджаке вышел к нам, вытирая платком шею. Подал короткопалую руку:

– Артур Томас. Интересуетесь чем-то конкретно?

Полные губы продавца разошлись в ожидающей улыбке.

– Да, – Гарпаст оттеснил меня от прилавка. – Интересует жирандоль. Конкретно – жирандоль. Я у вас не вижу, правда...

– Это где-то здесь... – толстощекий покрутил шеей, осматривая полки и подоконники. – Н-нет... Где же? Ах, это в другом помещении! – он открыл в барьере калитку. – Проходите.

– А я? – спросил я.

Меня смерили взглядом.

– Ну и вы давайте...

Артур Томас, посторонившись, пропустил нас с Родериком вперед.

– Будьте осторожны, – шепнул мне Гарпаст.

Я ощупал карман сюртука и понял, что забыл свой пистолет дома.

Темный коридор вывел нас в узкий светлый зал, уставленный скульптурами. Гипс, мрамор, все белое. По каменной плитке мы прошли мимо тесной группы атлетов и воинов, застывших в разнообразных позах, одного натянувшего лук лучника, трех купидонов (с нимфой) и вереницы бюстов. Далее наметились полуголые девушки-вакханки, собаки и, кажется, сатир с дудочкой.

Толстощекий, обогнав, заметил:

– Там, у стен есть барельефы. Имеется даже египетский саркофаг. Показать?

– Жирандоль, – твердо сказал Гарпаст.

– Это дальше.

Продавец сделал шаг, но тут знаменитый «бульдог», неожиданно даже для меня, ткнулся ему в жирную спину.

– Стоять!

Страшно шипеть Родерик умел отменно. Толстощекий и пикнуть не успел, как оказался прижат к стене, охлопан на предмет оружия, развернут и подперт коротеньким дулом «бульдога» под подбородок так, что ему пришлось привстать на носки.

– Вы что!..

Голос продавца растерял сахарность и испуганно истончился. Круглое лицо побледнело.

– Тихо! – Гарпаст набычился, сверкнув из-под козырька холодными глазами. – Грабим, да? Где Томас и Томас, живы или уже подельнички убили? Ах, молись, черная душа!

– Это я, я Томас! – вскрикнул толстощекий.

– А парень-то совсем дурачок, – обернулся ко мне Родерик, не ослабляя руки с «бульдогом». – Что скажете, Джонатан?

– Ну, что сказать...

Я пожал плечами, а чтобы Гарпаст не думал, что я без пистолета, спрятал свободную кисть в карман и наставил ее на подозреваемого, натянув ткань.

– Что, никакой мысли? – остро посмотрел на меня Родерик.

– Джентльмены... – Толстощекий слотнул. – Это какая-то ошибка...

– Ошибка? – мой друг улыбнулся. – А как же факты? Никого за прилавком – раз. Вы можете представить, Джонатан, чтобы продавец не следил за своим товаром?

– Не могу, – сказал я и, прищурившись, направил кисть-пистолет на пуговицу, скрепляющую борта клетчатого пиджака.

Пойманный вздрогнул.

– Вот и я не могу. – Гарпаст качнул головой. – А еще вас выдало волнение, милый мой как бы Артур Томас. Вы забыли закрыть дверь, а тут посетители. Надо как-то выкручиваться. Отсюда вы и потели, и платочком утирались. Ну и, конечно, не знать, где у вас жирандоль! От меня ведь не ускользнули ваши метания. Там или там. Или вообще не там. Вы, наверное, думали про себя: «Чтоб он провалился со своим жирандолом!». И, в конце концов, решили привести нас к своим приятелям. Вас здесь целая банда, так?

– Нет!

– К чему же отпираться?

Толстощекий прижал руки к груди.

– Я действительно волновался, – сказал он усмехающемуся детективу. – Ко мне с братом только что пришел заказ для одного нашего клиента...

– Ай-яй-яй, – не удержался Гарпаст.

– Да, там случилось... Мы специально оставляем дверь открытой. Наша дверь с секретом, там есть пружинка, она срабатывает, как запор, и войти можно, а выйти уже нельзя. То есть, без моей или Стюарта помощи нельзя.

– Стюарт – это брат? – уточнил мой друг.

– Да, – осторожно, насколько позволял «бульдог», подтвердил толстощекий.

– А ведь я проверю, – сказал, подумав, Родерик. – Пойду и проверю, действительно ли в дверь нельзя выйти. Джонатан, посторожите?

– Конечно, – отозвался я.

– Если что, стреляйте по ногам, – сказал Гарпаст, убирая револьвер за пояс. – Или сразу в лоб.

Увы, человеколюбием он не страдал.

В этом он весь, мой друг. Жесток, где необходимо, но в основном сентиментален и терпим. И не сказать, будто жестокость – его прихоть. Таков мир.

В отсутствие Родерика как бы Артур Томас, косясь на мой карман, предпочел стоять смирно. Только уголки губ скривил.

Я не вынимал руки, сохраняя невозмутимый и строгий вид. Мы молчали, изредка переступая с ноги на ногу, за нас разговаривали по плитке подошвы туфель.

– М-да...

Вернувшийся Гарпаст был озадачен.

– Что? – спросил я.

– Действительно, закрыта.

– Конечно! – обрадовался толстощекий. – А волновался я потому, что товар пришел несколько не тот, что заказывали... Мы как раз разбирали... У нас часто и экспозиция меняется, потому я и про подсвечники не сразу сообразил... Раньше на подоконниках были табакерки...

– То есть, вот так? – Гарпаст покачался на носках. – А брата своего можете позвать?

– Могу. Стюарт!

Явившийся на крик Стюарт тоже был толстощек, но имел еще усики и бородавку на лбу.

– М-да, похож, – оценил Родерик.

– Что случилось? – поинтересовался Стюарт. В руках он держал статуэтку с варварски отбитыми конечностями.

Мой друг ответил первым.

– Мы выбираем жирандоль, – сказал он, и Артур Томас, словно загипнотизированный его взглядом, медленно кивнул.

– Да, наверное...

Я был восхищен Гарпастом.

Через десять минут мы покинули «Антикварные товары» с упакованным в бумагу и перевязанным бечевой гигантским жирандолом.

Обошелся он Родерику в фунт и четыре пенса, при этом фунт, кстати, он взял у меня. Обхвативший подсвечник мой друг казался борцом с неведомой силой.

– Джонатан! – пропыхтел он, едва мы свернули обратно с Глостер на Мерилибон. – Поймайте, черт возьми, кэб!

Я вытянул руку с саквояжем.

Гарпаст остановился рядом, перехватил жирандоль.

– И выньте уже руку из кармана, – сварливо заметил он. – Ваш пистолет, если помните, неделю назад вы сами же отдали мне в чистку.

– Я не отдавал, – сказал я.

– Ай, бросьте! – Родерик переложил жирандоль с плеча на плечо. – Он, разобранный, лежит у меня на столике...

– Прекрасно. Но я...

– Вам надо что-то делать с памятью, Джонатан.

Подкатил кэб. Подножка была мокрая от грязи, а пегая лошадка покосилась на нас как на врагов.

– Джентльмены... – свесился с высокого сиденья кэбмен, немолодой мужчина с баками и косматыми бровями.

– Угол Мерилибон и Чилтерн, – сказал Гарпаст, тяжело забираясь в коляску.

Я последовал его примеру.

Жирандоль, позвякивая, угнездился между нами, одна из чашечек прорвала бумагу и уставилась на меня металлическим жалом, на которое насаживают свечи.

Лошадка зацокала копытами.

– Поехали, джентльмены, – сказал кэбмен.

Спина его покачивалась, покачивался и хлыст в руке.

Мрачные дома Мерилибон-роуд одно за другим потянулись назад, обрезаемые боковой кромкой кэба.

Увы, весна в наших краях не служит синонимом обновления и чистоты.

Наоборот, все самое мерзкое и грязное, кажется, скапливается в городе к этому времени. Дома темнеют, сжимаются, пятна сырости пачкают фасады, из окон сквозит безумие, угольная пыль висит пологом, а чуть уловимый запах разложения преследует тебя по пятам.

Костлявые деревья добавляют пронзительного шарма.

– Вы должны были одернуть меня, Джонатан, – укоризненно произнес Гарпаст. – Вы же видите, от вынужденного безделья я становлюсь совершенно невменяем. Мне всюду мерещатся преступники. Мальчики кровавые... Даже наш кэбмен мне подозрителен.

– А что не так с кэбменом? – спросил я.

– С кэбменом? – Родерик посмотрел на меня. – Что-то не так со мной, вот в чем дело. А вы словно бы в стороне. Отдалились, умыли руки, отринули узы дружбы, как фунт пожертвовали, так совесть и чиста.

– Мне вовсе не жалко фунта, – сказал я.

– А меня?

Я вздохнул.

– Родерик, вы были и есть мой друг.

Гарпаст с чувством подал мне ладонь:

– Какие проникновенные, какие искренние слова! – он потряс мою руку и привстал, едва кэб остановился. – Мы, кажется, приехали. Расплатитесь?

– Хорошо, – скрепя сердце, сказал я.

Родерик сошел с коляски, я помог ему с жирандолом и полез в портмоне.

Поездка стоила мне полтора шиллинга. Кэбмен отсалютовал. Я взглядом проводил кэб, неспешно поворачивающийся к Риджентс-парку.

Мимо прошла девушка в шляпке с вуалеткой, потом старичок. С неба заморосило.

Мне вдруг пришло в голову, что Гарпаст знал, знал, что я без пистолета, но все равно оставил меня одного. А если бы Артур Томас оказался не Артуром Томасом, а грабителем? А если бы к нему на помощь примчались приятели?

О, как я одинок!

Я высморкался в платок. Зажглось окно нашей с Родериком квартиры, силуэт жирандоля возник в нем.

На миг мне представилось, что я поворачиваюсь и бреду прочь от дома, ухожу в туман, в новую жизнь, пропадаю навсегда. Нет, невозможно.

Войдя, я раскрутил шарф, снял сюртук и, окунувшись в запахи, плывущие с кухни, прошел к обеденному столу.

– А, Джонатан, – обернулся ко мне Гарпаст, – скажите, ну не прелесть ли?

Жирандоль стоял в центре стола, сместив супницу и тарелки.

Резную деревянную подставку украшали пластинки из слоновой кости. Полунагая женская фигурка на два с лишним фута тянулась из нее вверх. Скрещенные ноги, голый живот, широко расставленные, изогнутые руки, на лице – улыбка, слепые, без зрачков глаза, между бровей – словно кружок от грязного пальца. Пол-голова у девушки отсутствовало, открывая углубление для свечи. Еще две свечи полагалось крепить на иглы в ладонях с чашами.

А сверху нависала хрустальная корона, искрились и покачивались то ли листья хрустальные, то ли яблоки.

– Прелесть, – сказал я.

– Да, – любясь, наклонил голову Родерик. – Жалко, не моя, а дядина. Кстати, завтра утром мы с вами едем к нему.

– Вокзал Паддингтон или Чаринг-Кросс?

– Паддингтон, конечно же!

– Господи! – появившись в гостиной всплеснула руками миссис Терриберри. – Уберите это непотребство!

Она даже отвернулась, застыв с оскорбленно выпрямленной спиной.

– Ну уж! – Гарпаст, надувшись, составил жирандоль на пол, ближе к этажерке с пострадавшим ранее атласом, и накрыл его куском ткани.

– Что за времена! – Убедившись, что непотребство убрано, миссис Терриберри пошла вокруг стола, поправляя тарелки. – Мой покойный супруг это бы не одобрил. Может у него и были интрижки на стороне...

Мой друг снял и встряхнул визитку.

– Мы уедем на неделю, – сказал он, садясь. – Корреспонденцию, какая будет, оставляйте на тумбочке в прихожей.

– Не думаю, что ее будет много.

Я следил за подрагивающими руками миссис Терриберри, за ее медленными движениями, за пудрой, щедро усыпавшей плечи, и думал, что умри она, нам придется съезжать. А где еще мы найдем такую удачно расположенную и недорогую квартиру?

Домохозяйка, проходя, провела ладонью по моим волосам.

– Вы плохо влияете на людей, мистер Гарпаст, – сказала она Родерику. – Ваш друг – такой приятный молодой человек, а до сих пор не женат. Вместо этого вы занимаетесь какими-то голыми статуэтками.

– Увы! – рассмеялся я.

– Он робок и беден, – сказал Гарпаст. – Ему нужна девушка из провинции. Разве что.

Миссис Терриберри наклонилась ко мне. Я учуял терпкий, кисло-пряный запах старости.

– У моей подруги, миссис Халлуотер, через два дома от нас, – с придыханием произнесла она, – есть племянница, чудесное, воспитанное создание...

Водянистый, в кровавых прожилках, глаз миссис Терриберри хлопнул короткими ресницами у моей щеки.

– Извините, я не люблю... – я почувствовал, что краснею. – Я сам...

Родерик хохотнул.

– Я же говорю – робок!

– Ее зовут Сьюзен.

– Прошу прощения, – я выскользнул из-под нависшей домохозяйки. – Мне нужно переодеться к обеду.

– Все! – услышал я, торопливо поднимаясь в комнату. – Вы опять его спугнули!

К счастью, дверь, закрываясь за спиной, избавила меня от дальнейших измышлений Родерика. На мясо с овощами я так и не вышел, хоть меня и уговаривали, предпочтя обществу сводни и детектива-мизантропа кампанию пишущей машинки и бутылки легкого вина.

Помучившись за клавишами полтора часа и не написав ничего путного, я незаметно заснул.

Снилась мне какая-то жуть, я то бежал куда-то, то скакал на лошади, то отстреливался от кого-то, сунув руки в карманы. Вокруг грохотало, развевались какие-то простыни. Но самым ярким образом, кульминацией кошмара, стала миссис Терриберри в своем коричневом платье, преследующая меня с жирандолью наперевес: «Это непотребство, мистер Ривольд!».

Наверное, я даже кричал.

Глава 2. Поезд и кэб

– Джонатан!

– Да?

Вокзал Паддингтон растворялся в клубах пара. Растворялся в них и я, и Гарпасту приходилось срывать голос, взывая к моей совести.

Гомонили люди, вскрикивали паровозные свистки, пространство грохотало, шипело и стучало на разные лады, металлические фермы уходили вверх, темнели закопченные вывески с номерами платформ.

Я еле полз, и Родерика это бесило.

– Черт вас возьми, Джонатан!

Мы пожалели денег на носильщика, и теперь на мне висели два объемных баула, а жирандоль я нес на плече. Меня пихали и норовили опрокинуть. Толпа пенилась между двух составов, Гарпаст, лавируя, бегал от вагона ко мне и тряс купленными билетами.

– Джонатан!

– Может, возьмете что-то одно? – просипел я.

– И не подумаю, – сказал Гарпаст и вновь унесся к вагону.

Он считал, что вчера я сделал целых три промашки (с письмом, Томасом и лишней порцией мяса, которую Родерик съел за меня) и поэтому не достоин снисхождения.

Мимо проскочил мальчишка. Штаны на лямке, грязная рубаха – по колено. Шляпа-котелок.

– Сенсация! Наводнение в пригороде! Виндзор под водой!

Газета плясала в детской руке непоседливым голубем – вот-вот клюнет и освободится.

Я миновал целый монблан багажа с двумя препирающимися у его подножья джентльменами, затем обогнул выстроившийся кружком оркестр и наконец-то оказался у нашего с Родериком вагона первого класса.

– О! – воскликнул мой друг с подножки. – Давайте же жирандоль!

Я освободился от подарка. Подсвечник напоследок (не без помощи Гарпаста) съездил меня по уху, но, Господи, какое же это было облегчение!

– Третье купе! – крикнул мне Родерик, пропадая внутри. – И поживее, Джонатан, поживее!

Пар обдул ноги.

Я закинул баулы в вагон и, утираясь платком, бросил взгляд на платформенное столпотворение. Вот он, Дантев ад, подумалось мне. Грязь, пар, частицы сажи и грешники. Хаос.

– Извините.

Около меня остановилась миловидная девушка лет двадцати в темной дорожной накидке, под которой голубел жакет. Светло-синяя юбка в тон жакету. Зонт. Шляпка, украшенная цветами, перехваченная лентой под остреньким подбородком.

Любопытные, близко посаженные глаза.

Багаж – чемоданчик в компании с цилиндрической шляпной коробкой. Видимо, собиралась ехать недалеко. Или же ненадолго.

– Да? – склонил голову я. – Вам что-нибудь нужно?

– Мне бы хотелось подняться, сэр.

Девушка показала рукой на вагонную дверь. Обручального кольца, как я заметил, на среднем пальце не было.

Незамужем.

Сердце мое затрепетало. Я, конечно, понимал, что это мимолетное знакомство не будет иметь какого-либо продолжения. Мне повезет, если мы, разойдясь по своим купе, еще встре-

тимся в проходе, один, может, два взгляда, доброжелательных, но ничего не обещающих, легкие касания одежды, ее исполненная грусти фигурка у окна, за которым проплывают мокрые поля Королевства...

– Сэ-эр!

Меня довольно невежливо дернули за рукав.

Я вернулся душой на вокзал Паддингтон и обнаружил, что девушка смотрит на меня с непонятым раздражением.

– Что?

– Вы стоите прямо напротив входа.

– Ах, да.

Пряча платок, я шагнул в сторону.

– Сэр...

– Я отошел.

– Там ваши вещи.

– Черт!

Краснея, я поднялся в вагон.

Нет, нет в мире гармонии. Рисуешь себе возвышенного, тонко чувствующего человека, а у него оказывается кривоватый большой рот, под правым глазом, ближе к носу, будто чирей таится запудренная родинка, и первым же делом он бестактно принимается указывать вам на ваши оплошности.

Я подхватил баулы и зло потащил их по узкому коридору.

Лакированное дерево, ряд окошек, более редкий ряд дверей, полированные ручки, полоски металла, номерки.

Первое купе, второе, третье.

Девушка молчаливым цербером следовала за мной.

Вот куда она может ехать? – задался я вопросом. Достаточно хорошо одетая. Вполне обеспеченная, раз позволяет себе билет первого класса. Из пансиона к родителям? Гувернанткой в богатую семью? Или...

Я опомнился, когда за спиной осталось уже четвертое купе. О, дьявол! Я попробовал развернуться с баулами, но наткнулся на настороженный взгляд и счел за лучшее пройти в конец вагона. Пусть думает, что я собираюсь занять последнее купе. Вряд ли и она... То есть, конечно, есть вероятность...

– Сэр, вы тоже сюда?

Мы оба остановились у восьмого купе.

В углу, у тамбура, распространяя острый запах, горела керосиновая лампа. Мое растерянное лицо отразилось в зеркальной накладке.

– Н-нет.

– Тогда что вы тут делаете? – спросила девушка.

– Я?

– Джонатан!

Выглянувший в проход Гарпаст показался мне манной небесной. Я обрадовался ему как висельник отмене приговора.

– Я здесь! – торопливо крикнул я.

– Чем вы там, черт вас возьми, занимаетесь?

– Я забыл наш номер! Извините, мисс, – я деловито протиснулся с баулами мимо девушки. Она прижалась к стенке, прикрыв грудь чемоданчиком.

Глаза у нее подозрительно сузились. Что она теперь обо мне подумает? Ах, впрочем, уже все равно!

– О!

Я ввалился в купе и, бросив баулы в багажные ниши, плюхнулся на кожаный диван. С комфортом расположившись на таком же диване, только напротив, мой друг зашелестел газетой («Дэйли телеграф» за сегодняшнее число) и качнул ногой.

– Дурацкая ситуация, – пояснил ему я.

Гарпаст бросил взгляд поверх газеты.

– Признайтесь, что вас отшили.

– Вовсе нет.

– Отпираться бессмысленно, мой друг. Не забывайте, что в моем послужном списке есть и более заковыристые задачки.

– Все совсем не так.

Я отвернулся к окну.

– Ай-яй-яй, – Гарпаст отложил «Дэйли телеграф» и улыбнулся. – Вы непозволительно долго задержались у вагона. Скажете, что нет?

– Я устал, – сказал я, расстегивая пуговицы сюртука. – И действительно задержался.

Родерик сцепил пальцы на колене.

– Я вижу несколько по-другому. Вам понравилась девушка. Вы завязали с ней разговор. Тем более, что она показалась вам приятной внешностью и фигурой. Дальше – больше: вы взялись проводить ее до купе. Но, видимо, сказали что-то возмутительно легкомысленное, что с вами часто случается, Джонатан, и произошла размолвка. Свидетелем окончания которой мне и повезло стать. Теперь, – предвидя мои возражения, он поднял ладонь, – рассмотрим предпосылки моим выводам. Вы, Джонатан, в моменты раздражения или в ситуации, которая вас нервнрует, неосознанно покусываете левый уголок губы. Как сейчас. Разве это связано со мной? Нет, говорю я себе, это связано с пассажиркой. Потом, вы потираете рукав сюртука. Скорее всего, вас по нему стукнули, и достаточно чувствительно. Опять я? Ни в коей мере. Складываем один плюс один. У вас слегка покраснели щеки. Это бывает от стыда, согласитесь. Кроме того, одно ваше присутствие у чужого купе, заметьте, вместе с тяжелыми баулами, выдает вас с головой. Не будь у вас симпатии к существу женского пола, вряд ли бы вы потащились с багажом через весь вагон. Я, во всяком случае, не представляю иного. Значит, изначально к вам были настроены дружелюбно. А вот то, как вы были рады моему своевременному появлению, говорит о том, что это дружелюбие уже улетучилось. Ну, разве не так?

Несомненно, в чем-то мой друг был прав.

Но объяснять ему, как это печально, когда реальность жестоко насмехается над воображением, я не стал – не хватало мне еще уколов и с этой стороны.

И вообще – зачем Родерика огорчать?

– Да, так все и было, – вздохнув, сказал я.

Гарпаст удовлетворенно качнул головой.

– Опыт! Опыт и наблюдательность! Вашу пассию, кстати, зовут Элизабет Максон.

– Вы знаете ее?

– Нет. Это имя написано на боку шляпной коробки. Маловероятно, что это чужое имя.

– Она не так уж красива, – грустно сказал я.

Гарпаст хмыкнул.

– Что-то, Джонатан, вы быстро сдались!

– Я вовсе не...

– Вы вовсе да, – перебил меня Родерик. – Не начав сражения, вы уже капитулировали. А где смелость? Где напор? Где азарт? Женщины, увы, весьма предсказуемые и весьма недалекие существа. И, кстати, совершенно никакие преступницы. Запутают всех, запутаются сами, бросят начатое на полпути. Я знал всего двух женщин, которые гибкостью ума и дерзостью поступков могли посперничать с мужчинами. Двух! Всего! Одну притом поймали и повесили, а другая сбежала в Америку. А все оста-а-а...

Гарпаст застыл, наклонившись к газете, словно ряды строчек привели его в изумление. Наводнение в Виндзоре, как же!

Ох, Родерик!

Поезд подал гудок, клубы пара за окном сделались гуще, плотнее, вагон толкнуло назад, а затем медленно-медленно, в скрежете и стуке колес, потянуло вперед.

Вокзальная толчея сместилась за окно, исчезла, зачернели угольные кучи, поплыли, перемежаясь с неопрятными пустырями, цеха военного ведомства.

Я откинулся на мягкую спинку.

Что ж, путешествие никогда не бывает лишним. Новые впечатления. Новые мысли. И ты уже не так одинок, потому что дорога дает надежду.

Гарпаста покачивало.

Я посмотрел на него с улыбкой и достал из-за пазухи новую, дорогую, двухшиллинговую записную книжку, которой обзавелся накануне поездки.

Карандаш – в пальцы. С Богом!

«Мокрое, раскисшее Королевство...

Желто-коричневые поля, огороженные невысокими, в фут, каменными заборами, домики, жмущиеся друг к другу, грязные овцы в загонах, жирная, тучная глина проселочных дорог...

В один из дождливых мартовских дней мы с Родериком Гарпастом отправились с вокзала Паддингтон расследовать очередное убийство».

Я задержал карандаш.

С убийством, конечно, перебор. Но не напишешь же: «Мы отправились дарить жирандоль»! Кто это будет читать?

Хлопнула вагонная дверь.

Я передвинулся к краю дивана и, выглянув, обнаружил стучащего в первое купе кондуктора – рослого усача в форменной одежде.

– Разрешите? Попрошу билетки, господа.

– Родерик. Родерик.

Я наклонился к детективу, опасаясь его трогать. Мой друг пускал слюну, делая наводнение в Виндзоре наглядным.

– Родерик!

– Господа, – вновь раздался голос кондуктора (второе купе!), – доброе утро! Попрошу предъявить...

Чертыхнувшись, я привстал и полез Гарпасту за пазуху.

Чего там только у него не было, во внутренних карманах! Сначала нащупалась коробочка с табаком, затем увеличительное стекло, затем спички, набор отмычек, простенькое стальное колечко, монетка в пол-пенса, клочок бумаги с неразборчивым текстом и, наконец, портмоне, в котором, как оказалось, никаких билетов...

– Тэк-с.

Я повернулся и столкнулся взглядом с подозрительно сощурившимся кондуктором. Ах, какая глупая ситуация! Двусмысленная!

Бывает, судьба ставит тебя в неловкое положение, только чтобы посмотреть, как ты будешь из него выходить. Проявишь сообразительность, и в дальнейшем получишь удачу в спутницы. Не проявишь...

Как назло, мои пальцы все еще держали чужое портмоне.

– Вы, извините, не то сейчас думаете, – сказал я, чувствуя, как начинают пылать уши. – Это совсем не воровство.

– О, да! – кивнул кондуктор, закатывая рукав.

Вид его не предвещал ничего хорошего.

– Мы друзья, – сказал я, возвращая портмоне на место, – у нас одно купе. Я как раз искал...

Закончить объяснение мне не удалось – усач схватил меня за грудки и приподнял к низкому потолку.

– Чем вы его оглушили, сэр? – зарычал он, багровея лицом.

– Ничем, – сдавленно произнес я. – Это у него свойство такое.

– Вы думаете, я вам поверю?

– ...остальные, – вдруг услышали мы, – право слово, из себя ничего выдающегося... Хм, Джонатан, вы, похоже, опять куда-то влипли.

Мы с усачом синхронно повернули головы. Мой очнувшийся друг взирал на нас будто зритель в цирке Барнума и Бэйли. То есть, зрелище воздушного акробатического этюда со мной в главной роли, похоже, представлялось ему чертовски занимательным.

– Сэр, вы знаете этого человека? – спросил кондуктор.

– Родерик, скажи ему, – попросил я.

Гарпаст выдержал паузу, вытер губы и кивнул нам обоим.

– Да. Да.

Спустя мгновение подошвы моих ботинок вновь ощутили вагонный пол.

– Прощу прощения, – буркнул кондуктор. – Ваши билеты, джентльмены.

– Пожалуйста.

Родерик поднял газету, из-под которой выглянули на свет два серых прямоугольника.

– Благодарю, – кондуктор надорвал билеты с узкой кромки. – Кстати, – сказал он, указывая на меня, – ваш друг лазил к вам в портмоне. Всего доброго.

И дверь за негодяем-доносчиком щелкнула.

– Господа и дамы, предъявляем билеты! – послышалось дальше по проходу. – Предъявляем, не задерживаем, готовим!

Гарпаст зажмурил один глаз. Когда он так делал, незакрытый глаз приобретал удивительную пронзительность.

– Это правда, Джонатан?

– Я искал билеты, – сказал я, отворачиваясь.

На выпученное око без содрогания я смотреть не мог.

– Вот уж не думал, – произнес похожий на насупленного филина Родерик, – что вы способны на такое. Пока мой мозг замыкается в аналитической работе, пока он занят систематизацией и обобщением деталей и мелочей, недоступных, Джонатан, вашему, без сомнения, достаточно среднему, пусть и с фантазией, уму, пока я выпадаю из сего вещественного мира в мир сопоставлений и причинно-следственных механизмов, вы, без всякой внутренней дрожи, грубо пользуясь моей беспомощностью, производите чес моих карманов!

– Если бы вы сразу рассказали про билеты...

Пробубнив это, я осмелился искоса глянуть на Гарпаста.

– Сразу... билеты... – передразнил меня он, все также одноглазо тарашась. – Вы совершенно не умеете врать, Джонатан. Вранье должно быть в крови, а у вас детский лепет какой-то получается. Отдам, отдам я вам ваш фунт. С первого же дела отдам!

– Я честно... – начал я.

Но Родерик скривился, и я умолк.

За окном, выплывая из паровозного дыма, будто грязные океанские волны дыбились холмы с лежащим у подножий бурым снегом. Несколько коров проводили нас ленивыми взмахами хвостов. Хмурое утреннее небо со временем так и не сделалось светлее.

– Кстати, – сказал Гарпаст, ломая возникшую натянутость между нами, – я вполне могу этот фунт отработать.

– Как? – спросил я.

– Как специалист по женскому полу.

– О, боже! Я лучше сам.

– Все нет, вы стеснительны, – с энтузиазмом заговорил Гарпаст. – А я вам в продолжение своей речи о женщинах скажу, что в бытность завсегдаем одного мюзик-холла в Вест-Энде сделал интересные наблюдения насчет женской природы. Так вот, женщину, в силу ее примитивизма, очень легко завоевать. Подарки, комплименты и настойчивость. Запомните, Джонатан, подарки, комплименты и настойчивость! Это три кита, перед которыми падет любая женская крепость. Причем, если не срабатывают два первых, что, скажем сразу, маловероятно, то настойчивость обязательно вызовет у предмета ваших притязаний невыразимую к вам жалость, которой вам и следует воспользоваться. Вы знаете, что женщины часто любят из жалости?

Я качнул головой.

– Что ж вы сами до сих пор не женаты?

– С моим-то умом? – двинул бровью Родерик. – Для стряпни мне достаточно миссис Терриберри. А на улочках и в игорных клубах хватает предложений любви без обязательств. Мы – просвещенная страна. И даже в этом смысле передовая.

Он звонко хлопнул ладонями по ляжкам.

– Ну что, пошли?

– Куда? – удивился я вставшему Гарпасту.

– К Элизабет Максон, конечно же! – он потянул меня за руку. – Подарки и комплименты, Джонатан. Я устрою вашу личную жизнь. У вас нет ничего подарить?

– Родерик...

С великой неохотой я дал увлечь себя в проход.

– Что, нет подарка? – мой друг скорчил гримасу. – Тогда комплименты. Сначала извинения, потом комплименты. Я знаю, это работает.

– Понимаете, Родерик, я не уверен...

– Вот! Вот, – Гарпаст наставил на меня палец. – Вы все три года так. Хорошо, что я с вами.

За окнами мешалось желтое с серым, коричневое с грязно-зеленым. Один депрессивный пейзаж перетекал в другой, и даже выглянувшее на мгновение солнце казалось предвестником апокалипсиса.

Я шел будто агнец на заклание.

Сомнения ныли во мне, страх бурлил, предчувствия угнетали, а раздражение деятельным Гарпастом зудело под кожей. Что я скажу? Зачем? Мне совершенно не хочется, думал я.

И вместе с тем, подспудно, я желал, чтобы все именно так и происходило: несчастный герой, благородный (за фунт) помощник, неясное, не оформившееся чувство.

Впрочем, солнце все равно казалось апокалиптическим.

Гарпаст остановился у восьмого купе:

– Стучите.

– А что я скажу? – зашептал я.

– Скажете, что не можете простить себе того, как вы расстались, – зашипел в ответ Родерик. – Что чувствуете себя последним болваном. Что она не идет у вас из памяти, ее прекрасные глаза, ее тонкая рука, ее милая шляпка. Что вам, как писателю...

– Ну, это уже слишком!

– Тьфу! Тогда это скажу я. Стучите!

Родерик приподнял мне руку.

– Я не совсем...

– Стучите же!

Он стукнул в дверь моими пальцами.

– Э... Элизабет? – позвал я.

За дверь было тихо.

Я повернулся к Гарпасту:

– Наверное, она спит. Не будем мешать.

– Еще раз, – сказал неумолимый Родерик.

Пришлось постучать снова.

– Извините, Элизабет...

Я взялся за ручку.

– Стойте!

Гарпаст вскрикнул так неожиданно, что я буквально окаменел. Все во мне сжалось, дыхание перехватило, а сердце провалилось в живот.

Родерик осторожно отлепил мои пальцы.

– Смотрите.

Он повернул ладонь. Пальцы оказались испачканы чем-то красным.

– Что это? – тихо спросил я.

– Кровь. – Мой друг присел у двери и, не касаясь, осмотрел дверную ручку. – След нечеткий, смазанный. Вы еще поработали...

Он достал платок.

– Знаете, Джонатан, – сказал он, повернувшись ко мне, – я всегда хотел расследовать убийство в идущем поезде. С него невозможно сойти, а, значит, круг подозреваемых ограничен лишь пассажирами. Кто-то убил, но кто? Представляете? И я методом опросов и анализа нахожу расхождения в показаниях...

– А остановки? А если убийца выпрыгнет в окно?

Гарпаст вздохнул.

– Зануда вы, Джонатан.

Платком он обернул чистый край ручки. Мягко щелкнул язычок замка. Господи, подумалось мне, а если там труп? Если там бедная девушка с ножом в сердце? Или же убийца?

– Может, позвать проводника? – побледнев, прошептал я.

– Не торопитесь.

Дверь отворилась без скрипа.

Первое, что бросилось мне в глаза, – пятна на светлом коврике на полу и смятая салфетка на столике.

– Ага, – сказал Гарпаст, распахивая дверь во всю ширину.

В купе было пусто.

Я выдохнул. На левом диване стояла шляпная коробка, дорожная накидка висела на крючке у стены, на правом диване обложкой вверх лежал роман Бронте. Красная атласная лента пересекала его наискосок.

В голове моей (о чем я только думал!) проскочило, что «Красная лента» – изумительное название для рассказа.

– Красная лента, – сказал я вслух.

– Вы думаете, это важно? – Гарпаст склонился над книгой, поморщился, затем подсел к столику. В руке у него появилось увеличительное стекло. – Крови немного. Ее подтирали. О чем это говорит, Джонатан?

– Не имею понятия.

– Плохо, Джонатан. Плохо.

Лицо моего друга приобрело сосредоточенное выражение. Он заглянул в багажные ниши, подергал ручку окна, снял и повертел накидку, лег на пол и обследовал коврик. Я стоял между диванами, и мне приходилось споро убираться с его пути, изгибаясь и цепляясь за верхние полки.

Наконец Гарпаст успокоился.

– Итак, – произнес он и посмотрел на меня, – я представляю себе дело так. Некий злоумышленник проник в купе, угрожая ножом, нанес девушке порез и...

– Что и?

– Скорее всего, они были знакомы. Следов его нет, значит, обувь у него была чистая, криков мы не слышали, может быть, это что-то на почве ревности. Выяснение отношений. – Родерик почесал висок. – Парень горячий, легко возбудимый, но, пожалуй, и легко остывающий, иначе бы не дал промокнуть кровь.

– Но куда они делись?

– Не знаю. Убийства не было, Джонатан. А жаль. Было бы любопытно. Первый подозреваемый, кстати, кондуктор.

Я замотал головой.

– Родерик, девушки нет в ее купе. Я ее знакомых не видел. А что если ее хладный труп убийца сейчас сбрасывает под насыпь?

Мое яркое, живое воображение нарисовало мне скатывающееся в канаву тело в голубом жакете и светло-синей юбке. Прекрасное, так мало пожившее тело.

Это было настолько щемяще-печально, что я впал в отчаяние.

– Родерик! Она труп, труп!

– Что-о?

Я повернул голову и встретился глазами со стоящей в проеме моей недавней знакомой.

Лицо у нее было мокрое, раскрасневшееся, к распухшему носу она прижимала платок, капелька крови темнела на блузке.

Обрадовавшись, я протянул к ней руки.

– А мы думали, что вы труп, Элизабет! А вы ожили. То есть, вы вовсе и не оживали, вы были живой. Вы и сейчас живая! Это такое счастье!

Мой друг Родерик попытался залепить мне рот ладонью, но я был выше, вертлявей, и ему не хватило длины рук.

– И хорошо, что у вас нос! – Воскликнул я. Гарпаст почему-то обхватил меня сзади, мешая приблизиться к девушке. – То есть, нос есть у всех, и у вас тоже. Но хорошо, что у вас кровь из носа! В смысле, что мы думали, будто вас ножом...

Я несколько раз, показывая, сжатой в кулаке рукой распорол воздух.

И если до этого Элизабет только непонимающе хлопала глазами, видимо, едва соображая, что надо двум забравшимся в ее купе джентльменам, то теперь зажмурилась.

А потом и завизжала. Противным, надо сказать, голосом.

Разумеется, мы были вынуждены сойти с поезда. Чтобы не усугублять. И хотя мы все объяснили: сначала усатому кондуктору и всем собравшимся, потом – оказавшемся тут же доблестному констеблю, а затем и самой Элизабет Максон, оставаться и далее в вагоне было уже никак невозможно.

В маленьком сонном Биконсфилде мы выгрузились: два баула, жирандоль и разбитая вера в человеческое понимание.

Паровоз издал гудок, бледный женский профиль мелькнул в проплывающем окне, клубы пара растаяли, как и надежды добраться до Шорсфилд-тауна железной дорогой.

– Что ж, Джонатан, – сказал Гарпаст, оглядывая зданьце станции, – надо признать, мы напугали бедную девушку.

– Мы вообще зря вошли в ее купе, – сказал я.

– Но вошли-то мы из-за вас! – Родерик ступил на дощатый помост. – Это вашим желаниям мы потакали.

– Сомневаюсь, – неслышно буркнул я.

– Любезный, – Гарпаст поймал за локоть старичка, вышедшего к путям из дверей станции, – где здесь можно нанять кэб?

– Что? – Благообразный старичок подставил ладонь к уху.

Он был в серых панталонах и сорочке, поверх которой на худые плечи был накинут клетчатый платок.

– Кэб, – сказал Гарпаст. – Лучше закрытый. Но можно и двуколку.

– Сегодня дождь, – пожаловался старичок, уставив на моего друга слезящиеся глаза. – В дождь меня не зовут. И когда ясно, не зовут. А вот в туман...

Он замер, вытянув шею и высматривая что-то в хмурых холмах вдали.

– А кэб? – безнадежно спросил Родерик.

– Не зовут...

Пока мой друг искал кого-нибудь повменяемей, я перетащил наши вещи ближе к стене станции. Рядом тут же нарисовался чумазый мальчишка с хитрыми глазами. Настоящий диккенсовский оборванец. В обтреханном коричневом пиджачке на голое тело и перешитых штанах. В накрученном на горло полосатом шарфе и мятом цилиндре на заросшей голове.

– Вам помочь, сэр?

– Нет.

– Я могу посторожить ваш багаж. Всего два пенса. – Мальчишка улыбнулся и шмыгнул носом. – У нас городок такой...

– Какой? – спросил я.

– Ну, смотреть надо, чтоб чего не свистнули.

– Ты лучше подскажи, где можно нанять кэб.

– А два пенса?

Я полез в карман.

Две монетки легли в грязную руку и тут же пропали.

– Значит, сэр, – посерьезнел мальчишка, – пойдете по Пенн-роуд прямо до Финч-лейн, а по ней до конца. Ну, до загиба. Там будет почтовое отделение и транспортное бюро Уорвика. У них часто есть свободные места в каретах. Но идти далеко, а у вас – тяжести.

– Ты хочешь помочь?

– Не задаром, сэр, – мальчишка снова шмыгнул носом.

– Родерик! – крикнул я.

Мой друг появился из-за угла, задумчиво хмурясь.

– Странный городок, – заявил он, – сумасшедший на сумасшедшем. Сейчас какая-то старуха чуть не огрела меня зонтом.

– Ха! Это, наверное, миссис Питли, – сказал мальчишка. – Она всех бьет!

– Этот молодой человек, – указал я на него Родерику, – вызвался проводить нас к перевозчику.

– Три пенса!

– Джонатан, – Гарпаст потянул меня в сторону, – деньги, конечно, ваши, спору нет, – зашептал он, – но куда нас заведет этот проводник, вы подумали?

– Мне кажется, он вполне честен, – сказал я.

– О, да! Пока платите.

– Родерик, это и ваш багаж.

– Ох, втравите вы меня... – Родерик с сомнением посмотрел на мальчишку. – Ладно, вы несете, я, с револьвером, отслеживаю позади.

– Зачем же?..

– Я тайно, – сказал мой друг. – Никто напоказ выставлять оружие не собирается.

По склизкой, с пятнами луж дороге мы маленьким отрядом выступили на Пейн-роуд. Мальчишка нес жирандоль, я – баулы, Гарпаст прыгал между лужами, стараясь не замарать брюк. В окна низеньких домов на нас пялились женщины и дети.

Не думаю, что мы представляли собой нечто выдающееся, просто, возможно, до сей поры никто у них, в Биконсфилде, с поезда не сходил.

Ну, еще Родерик смешно задирает ноги.

С неба начал сеять дождик. Пейн-роуд, разбитая колесами, с каждым футом все больше напоминала канаву с глинистой жижей на дне. Мальчишка два раза чуть не упал, меня как-то уравнивали баулы. Гарпаст выбрался на высокую вытоптанную обочину.

Покачивались кусты за оградами, недалеко взвизгивала пила, вторил ей какой-то дурной пес.

Мы прошли мимо таверны, распугали чых-то кур, бездумно сунувшихся под ноги, обогнули густо пахнущую свежим деревом и усыпанную опилками площадку с поленницей мокро поблескивающих дров.

– Дядя Том! – вдруг заорал мальчишка и рванул к сарайчику, распахнувшему ворота прямо на дорогу.

– Черт! – Гарпаст, оказавшийся по другую сторону, заскользил вниз. – Ловите его, Джонатан!

– А баулы? – повернулся вслед ему я.

– К черту!

Мой друг со второй попытки одолел противоположный склон.

Жирандоль уже скрылся в сарайчике, но тут же, к немалому облегчению, появился вновь. За мальчишкой прямо к Родерику вышел мужчина с пышными рыжими усами, плавно переходящими в баки. Он был в суконном, в нескольких местах штопанном пальто, штаны заправлены в сапоги, через шею перекинут узкий кожаный ремень.

– Сэр.

Гарпасту подали ладонь, и тот, слегка замешкавшись, ее пожал.

– Сэр, мне тут сказали, вам нужен кэб.

– И кэб, и жирандоль, – показал пальцем Родерик.

– И куда?

– До Шорсфилд-тауна и немного дальше.

Названный Томом задумался.

Пока он соображал, я вытянул баулы из канавы Пейн-роуд, выбрался сам и, измазанный, встал у Родерика за левым плечом.

Наконец Том посветлел лицом.

– Это, значит, миль двадцать будет?

– Где-то двадцать пять, – сказал Гарпаст.

Мальчишка присвистнул, его дядя приосанился и даже вытер руки о полы.

– Нечего вам идти к Уорвику, – сказал он. – У меня есть закрытый кэб, старенький, но одну ось я уже починил, а вторая и так держалась. Колеса крепкие, сиденья хоть и без обивки, но надежные. Стенки я укрепил. Лошадь возьмем у Грисомов. Ну-ка, Дикки!

Мальчишка со звоном опустил жирандоль у ног Родерика.

– Я сейчас, дядя!

Придерживая цилиндр, он скрылся за сарайчиком.

– Во-от, – протянул Том. – А Уорвик с вас больше возьмет. Я-то всего полтора фунта...

Гарпаст незаметно пихнул меня локтем – ясно, что он полагал меня ответственным за несвоевременный сход с поезда, соответственно и платить должен я.

– Потом, – продолжил Том, – у нас здесь в этот год льет и льет, не весна, а наказание, Мисборн уже пучит, Литтл Миссенден подтапливает всюду, где-то уже и не проехать, придется кружным путем... Так что не, полтора фунта – это еще по-божески!

– Радуйтесь, Джонатан, – обернулся ко мне Родерик, – вот он, ваш мир, мир денег и наживы. Здесь за все надо платить.

– О, Господи! – сказал я.

Мне пришлось отвернуться, чтобы достать из кармашка в кальсонах под брюками банковский билет. Очередной.

Такими темпами у меня скоро совсем не останется денег даже на взнос за «Ремингтон». И зачем я вызвался в сопровождающие?

Денег было жалко.

Глухая обида на Родерика заворочалась под сердцем.

– Остальное – по прибытии, – сказал я, вручая купюру нашему будущему извозчику.

Тот недоверчиво повертел фунт в пальцах.

– Я как-то больше с монетами...

– Ничего.

– Дядя Том, Мартина дали! – донеслось до нас.

Мы обернулись – по густой траве мальчишка вел к воротам меланхолично ступающего коня. Каурого, желтогривого, с провисшим брюхом.

За ним бежали две девочки лет пяти-шести, но остановились, увидев меня и Родерика.

– Ну! – обрадовался Том. – Сейчас и запряжем!

Он окунулся в сумрачные недра сарайчика, в недрах зажглась лампа, осветив висящую на стенах упряжь, рядом лежащие хомуты, подковы, косы и ржавый нагрудник.

– Багаж давайте сюда, – Том направил лампу в сторону – и на фоне высящейся копны сена блеснуло черным лаком дерево. – Дикки, не стой, помогай.

– Сюда, джентльмены.

Звякнул хрусталем жирандоль. Я потащил баулы за мальчишкой.

Кэб, четырехколесный, типа бруэм, имел явные следы ремонта. Боковая стенка у него желтела новым, неокрашенным деревом, дверца была половинчатая и тоже новая.

Пока я распределял вещи под сиденья, сколоченные из занозистых досок, Гарпаст, щурясь, обошел бруэм по периметру.

– Кэбу, похоже, хорошо досталось, – заметил он.

– Да, слетел с холма, – отозвался Том, крепя постромки, – лошади понесли и, значит, с обрыва. Я и подобрал, раз никому не нужен. Казалось бы, все прахом, а одна ось целая...

– Ясно, – сказал Родерик.

Конь фыркал, переступая по настилу. Мальчишка гладил его по шее. Девочки выглядывали из травы.

– Ну, вроде все, – Том поймал в кулак узду. – Пошли, Мартин, пошли. Дикки, принеси джентльменам шкур на скамьи.

– Садимся, Джонатан, – скомандовал Гарпаст, залезая в кэб на ходу.

– Эй, а три пенса, сэр? – дернул меня за рукав мальчишка.

– Конечно.

Я расплатился, получил ворох пыльных, остро пахнувших шкур, то ли волчьих, то ли собачьих, и поделился ими с Родериком.

Сиденье впечаталось в зад, заскрипели колеса, мы остановились на несколько секунд, необходимых, чтобы Том прикрыл ворота сарайчика.

Девочки помахали ладошками.

А затем Пейн-роуд осталась слева, потянулся лес, стало мокро и мрачно, влажно чавкала грязь, и я думал: куда еду? Зачем?

Глава 3. Убийство!

Дневной сон – муторный, прерывистый.

Бруэм потряхивало, я скользил по скамье, Родерик сладко похрапывал, как-то уютившись и не сползая на шкурах вниз.

Снаружи мелькали стволы пихт.

Края казались совсем дикими, недалеко от Лондона, а ни человека, ни его следов. Ни зарубок, ни пней, ни просек. Лишь дорога, которая тянется глинистой полосой с отпечатками колес и назад, и вперед.

По крыше кэба убаюкивающе постукивали капли.

Я достал было записную книжку, но не смог написать ни строчки. Карандаш обрел склочный характер и прыгал в пальцах, царапая бумагу и придумывая несуществующие буквы – пляшущие пьяные палочки и закорючки.

Наверное, такими вот палочками можно было бы обозначить весь алфавит. Сделать, например, что-то вроде шифра. Жалко только, и сам забудешь, что писал, и подсказать будет некому.

Вот, например, «Элизабет».

Простая прямая. Прямая с крючком внизу. Косая с наклоном вправо... От танца палочек зарябило в глазах. Косая с крючком. Бр-р...

Бруэм вдруг встал.

Наш извозчик тяжело спрыгнул с козел – выглянув, я увидел, как он, загребая жижу сапогами, охлопав коня, проходит вперед.

– Что там? – крикнул я.

Том не услышал. Зато услышал Родерик, завозился, приоткрыл один глаз.

– Что за манера, Джонатан, рвать глотку при каждом удобном случае? Такой сладкий сон... Представляете: мертвец, закрытая комната и шесть подозреваемых!

– А вы?

– Ну, и я, конечно, – Гарпаст шевельнул плечами, натянул шкуру на живот. – Как они все выкручивались... Убийцы!

Он зевнул.

Фигура кэбмена стояла неподвижно. Я открыл дверцу и выбрался наружу, натянув до ушей кепи.

Дорога спускалась вниз. Том, не обращая внимания на темнеющее от мороси пальто, разглядывал что-то видимое ему одному.

– Ах ты ж!

Подойдя, я увидел пологий песчаный берег, две размытые колеи, столбики свай и клоко-чущую свинцово-серую воду. С той стороны низкого берега дыбились остатки помоста.

– Как есть снесло, – произнес Том.

– А объезд? – спросил я.

– Куда ж без него. Только как бы и там тоже... – Том повернулся. Пышные усы его живописно прилипли, размазались по щекам, нос был красный. – А был-то, сэр, ручей, маленький, до щиколоток не доходил.

Я пожал плечами.

– Так мы что?

– Едем. Попробуем через Холмер Грин. Но, скажу вам, сэр, с нынешней весной ни в чем нельзя быть уверенным.

И снова был лес, бруэм поскрипывал на поворотах, меня гоняло по скамье, а проснувшийся Гарпаст морщился на каждой кочке.

– У него ж, мерзавца, нет рессор, – шипел он и привставал, пытаясь предугадать новый толчок, – во сне как-то не чувствовалось...

– Он же сказал, кэб рухнул с обрыва. Немудрено, – говорил я.

– Мог бы и починить.

В низинках, которые мы преодолевали, стояла вода.

Из-под колес плескало как из-под катера, Том покрикивал на неторопливого Мартина, пол под ногами потемнел от сырости и потрескивал.

– Как бы нам не потонуть, Джонатан, – обеспокоенно сказал Гарпаст через полчаса то ли езды, то ли плавания. – Если уж Виндзор затопило...

– В этой части Королевства нет крупных рек, – сказал я.

– Рек нет, а наводнение есть.

– Не умеете плавать?

– Вы исключительно догадливы, мой умеющий плавать друг!

Сказав это, Гарпаст обиженно отвернулся от меня, уделяя внимание голым, растущим из воды деревьям. Лицо у него сделалось кислое и бледное.

Бруэм покачивало, и сходство с речным путешествием только усиливалось. Не случилось бы у Родерика морской болезни, подумал я.

Впрочем, скоро мы проехали опасный участок, дорога взяла выше, по правую руку мелькнула вырубка. Лес то редел, то сгущался, норовя просунуть еловые лапы в салон. Дождь пропустил. С протекающей крыши закапало.

– Какой-то мокрый ад, Джонатан, – сказал Родерик, клюнутый каплей в шею.

Я потер промокший рукав.

– Может, переждем где-нибудь? В Холмер Грин?

– Если он еще не скрылся под водой.

Защищаясь от протечек, Гарпаст натянул капюшоном одну из шкур.

– Родерик, – сморщился я. – Она пахнет.

– У меня насморк, – сказал мой друг.

Я высунулся в проем.

– Том! Том! Есть ли здесь где остановиться?

– Нет, сэр! – прокричал Том, перевесившись набок, чтобы мы могли встретиться глазами. – Мы взяли правее Холмер Грин, если повезет, – он показал куда-то за серый от дождя лес на взгорке, – то доберемся до одного из поместий, Эмберхилла или Чемпершира.

– Тогда давайте туда.

Том кивнул и выпрямился.

Я нырнул обратно в кэб, с мокрым, как у утопленника, лицом.

– Ну что? – спросил Родерик.

Со шкурой на голове он производил странное впечатление. Казалось бы, уважаемый джентльмен в макинтоше, и вдруг – это.

– Эмберхилл или Чемпершир, – сказал я, вытирая щеки ладонью.

– Прекрасно.

Гарпаст откинулся назад.

Тяжело проворачивались колеса. С чавканьем отлипала грязь. Краем губы хмурый Гарпаст сдувал лезущие в глаза волоски.

Мы протащились мимо останков каменной стены, может, еще римской, мелькнула просека, затем лес расступился, ноздреватый склон холма оскалился черным провалом выработки. А дальше уже дорога потянулась через кочковатое поле.

– Слышите? – напрягся вдруг Родерик.

– Нет, – сказал я.

– Шумит.

– Что шумит?

– Вода, мой друг, вода.

Я выглянул.

Сквозь дождь ничего не было видно. Том повернул, травяной клок утянулся под днище, щелкнул об обод валун, невидимая канавка плеснула водой.

– Да нет же, Родерик...

– Да-да, тешьте себя, тешьте.

– Но почему? – спросил я.

И услышал.

Шумело впереди. Все громче и громче. Рычало, шипело, бурлило. Звало.

И бруэм спешил на этот зов!

– Наш кэбмен сошел с ума! – воскликнул я.

Гарпаст хмыкнул.

– Джонатан, а где логические посылки? Мне вот сдается, что нас ждет мост и хорошая тряска. На вашем месте я бы сел поудобнее.

– Скажете. Я и так...

Нас затрясло, и я прикусил язык. А еще приложился виском к боковой стенке.

Снаружи взревел бурный поток. Он предстал моим глазам, выхлестывающий из-под бревен, грязный, пенный, кажущийся бесконечным в пасмурном сумраке дня, несущий ветки и землю и вскипающий бурунами.

Заржал Мартин. Мы встали.

Выругался Том, щелкнул вожжами. Мост качнуло, и бруэм обдало брызгами.

– Мартин, чтоб тебя!

– Джонатан, – мертво произнес Гарпаст, – приготовьтесь меня спасать.

– Том! – крикнул я, приоткрыв дверцу. – В чем дело, Том?

Прямо под ногой, в двух футах, клочкотала бездна.

Бездна казалась холодной и алчущей. Ее выпирало вверх. Пена набрасывалась на колеса. Вода снизу, вода сверху.

Того и гляди водяной вцепится в каблук.

– Том!

– Боится, зараза! – услышал я приглушенный ревушим потоком голос.

– Кто?

– Конь, сэр!

Том, возникнув на мгновение сбоку, взмахнул руками.

– Какого черта, Том? – крикнул я.

И тут бревна под нами треснули.

Мост повело, устрашающий треск раздался снова. Взбесившийся ручей, казалось, с новой силой набросился на преграду.

Повернувшись, я заметил в руке у Родерика «бульдог».

– Родерик!

Я попытался выхватить оружие у Гарпаста. Несколько секунд мы боролись, и я проиграл.

– Стреляться – это не выход!

– Тьфу на вас, Джонатан! – Родерик, отпихнув меня, высунулся из бруэма.

Револьвер его нацелился в сторону козел.

– Родерик, если вы застрелите Тома, это нас не спасет!

– Умолкните.

– А если коня...

Выстрел показался мне громовым раскатом.

Бруэм, подпрыгнув, рванул вперед, меня свалило между сидений, а носком ботинка я пробил дыру в днище. Позади со страшным шумом и плеском, похоже, обрушился-таки мост.

Нас вынесло на взгорок, и здесь мы остановились – Том совладал с испуганным конем.

– Ну вот, – удовлетворенно отметил Родерик, – утопление откладывается.

Не стовариваясь, мы с ним вышли под дождь. Бруэм застыл на глинистой пропелшине, колесный след полого вел вниз.

Там, где должен быть мост, торчало, то скрываясь под водой, то появляясь вновь, одинокое бревно.

– Все, джентльмены, – сказал вставший рядышком Том, – назад дороги нет. Добро пожаловать в Эмберхилл.

– Это далеко? – прищурился Родерик.

– Минут пять, сэр, и мы будем в поместье.

– Нас примут?

– Не дать приют в такую погоду могут только свиньи, сэр, – сказал Том и высморкался.

Я зачарованно смотрел на серую бурлящую воду ручья, возомнившего себя рекой, пока Гарпаст не хлопнул меня по плечу.

– Садимся, Джонатан.

Эмберхилл оказался, едва мы миновали прозрачный осинник и обогнули невысокий холм. Мрачный двухэтажный, увитый плющом особняк вырос перед нами, пугая темными окнами. Слева от него обозначился навес с коновязью, справа – сарай с высокими воротами. Огромная лужа пузырилась посреди пустого двора.

Том, объехав лужу по краю, остановил бруэм перед каменным, в две ступени, крыльцом.

– Прибыли.

– Не туда, конечно, прибыли, – проворчал Гарпаст, обнимая жирандолю, – но хотя бы без приключений.

Я имел собственное мнение о приключениях, но счел за лучшее промолчать.

Стрельба из револьвера – пусть. Мост рухнет в водяную бездну – значит, так и надо. И все в порядке! Нет, я молчу, молчу.

Две ходки от бруэма к массивным, в полтора человеческих роста дверям – и баулы обрели пристанище на каменных плитах рядом с жирандолом.

Родерик изучал кольцо, вделанное в дверь.

– Им нечасто пользуются, Джонатан, – сказал он, пробуя пальцем вмятину от кольца, образовавшуюся на створке.

– Так стучите! – попросил я, чувствуя, как влага пропитывает сукно сюртука.

– Э, нет, – поднял палец Гарпаст, – здесь могут водиться свиньи, о которых нам только что...

– И свиньи, и овцы, – Том поднялся к нам по ступеням и посмотрел сначала на меня, а потом на Родерика, – без живности здесь нельзя. А чего не стучим?

Не дожидаясь ответа, он бухнул в дверь кулаком.

– Хозяева!

Небо стремительно темнело, и я подозревал, что мы вот-вот станем свидетелями первой весенней грозы.

– Хозяева! Эй!

Наш кэбмен присовокупил к первому удару второй и третий.

Крепость двери и шум дождя не давали распознать какие-либо звуки с той стороны. Слышат ли нас? Спешат ли на стук?

– Еще есть окна, – как бы между прочим заметил Родерик.

– Предлагаете бить?

Я пошел вдоль фасада, вглядываясь в сумрак за стеклами.

Особняк казался загроможденным мебелью и тенями. Большая зала в три окна с массивными диванами и шкафов, маленькая темная комната с напольными часами, рукав коридора с косым треугольником, обозначающим лестницу на второй этаж.

Нигде никакого движения.

То ли спят, то ли умерли. Смерть еще как-то извинила бы...

Выловив своим кепи несколько десятков капель с карнизов и крыши, я в раздражении повернул обратно и тут же в узком стрельчатом окошке заметил плывущий к нам огонек.

– Идут!

Поднявшись к дверям, я встал за Родериком.

– Ради бога, молчите, – обернулся он ко мне, – еще ляпнете что-нибудь.

– Что ляпну? – спросил я, но Гарпаст лишь шевельнул плечом.

Впрочем, открывать нам не спешили.

– Кто вы и что вам надо? – услышали мы голос из-за двери. Голос был скрипучий и, судя по всему, принадлежал старому слуге. – Если вы дьяволы отродья, то убирайтесь прочь.

В когда-то богатых, но потом обедневших семействах такие слуги имелись всегда. Они, собственно, и олицетворяли тот упадок, в который приходили семейные дела.

Да, они знали и молодость, и расцвет, но прикипев к хиреющему поместью, как плющ к стенам, дряхлели вместе с ним.

Глохли, слабели и ненавидели случайных гостей.

– Я – Родерик Гарпаст, – прервал мои размышления Родерик, – со мной мой друг Джонатан Ривольд и Том э-э...

– Каули, – наклонился к двери кэбмен.

– И Том Каули. Здесь дождь и... Всюду вода. Нам бы переждать непогоду...

– И обсохнуть, – добавил Том.

– И переночевать, – сказал я.

Родерик пихнул меня локтем.

Некоторое время за дверью молчали. Я так и видел, как старик, уставя бесцветные глаза в пол, пытается сообразить, кроется ли в незнакомцах опасность.

И так взвешивает, и этак.

Трое. Просятся в дом. Но вежливо. Джентльмены. Может быть даже из столицы. Приятное общество, чтобы скоротать вечер.

А ну как нет? Мало ли.

– Входите.

Щелкнул массивный засов, и одна из створок приоткрылась. Гарпаст ринулся внутрь, на золотистый свет свечи, первым.

– Наконец-то! – Расстегивая макинтош, он загородил весь проход. – Мы уж думали – все! У вас что-то темно, кстати...

– Экономим, – был ему ответ.

Гром раскатился по небу. Дождь превратился в ливень. Наверху, над нами, хлопнул ставень.

– Родерик!

Я попытался подвинуть друга.

– Имейте совесть, Джонатан, – недовольно произнес Гарпаст. – Здесь хорошие полы, я стараюсь не наследить. А вот еще и скамеечка...

Он сел и принялся кряхтя стаскивать грязные ботинки.

С баулом на плече я все же протиснулся мимо него и чуть не столкнулся с держателем свечи.

Как я и предполагал, это оказался старик в поношенном, побитом молю фраке, сорочке и серых панталонах. Скорее всего, дворецкий. Если, конечно, в доме, кроме него, имелся кто-

то еще из прислуги. А так, наверное, он был и камердинером, и садовником, и привратником, и каменщиком, и, возможно, даже конюхом. Унылое лицо. Длинный нос, седые баки, поджатые в неодобрении губы. Руки у него подрагивали, и огонек свечи плясал один из тех туземных танцев, о которых писал путешествовавший по Африке Ливингстон.

– Будьте добры... – я опустил на пол баул.

Он посторонился.

– Сэр, – Том протянул мне над Родериком жирандоль.

Звякнул хрусталь. Я, оцарапавшись, перехватил. Затем принял и второй баул.

Гарпаст, сменив ботинки на нашедшиеся под ногами мягкие туфли, костяшками пальцев стукнул в стенную панель.

– А у вас здесь мило, – сказал он старику. – Мило. Куда идти?

– Сюда, сэр, – показал свечой слуга.

И медленно, с достоинством, повернулся.

– Оба этажа жилых? – спросил Родерик.

– Конечно, сэр.

По мере того, как они удалялись вглубь дома (Родерик безбожно шаркал), голоса их звучали все глуше.

– И сколько жильцов?

– Десять вместе со мной, сэр.

Затем что-то стукнуло, и свет свечи, и голоса пропали.

Мы с Томом, оставшись одни в полумраке, переглянулись. Дом вокруг нас поскрипывал, постанывал, играл тенями и шевелил шторами.

Наверху, над головами, казалось, кто-то ходил.

– Жуть какая, – выдохнул кэбмен.

– Не в брюме же ночевать, – сказал я, снимая сюртук.

Том последовал моему примеру и освободился от пальто.

Синий мертвенный свет вдруг полыхнул в окнах. Грянул чудовищной силы раскат, створка входной двери распахнулась, являя взору шипящую стену дождя.

Ни навеса, ни Мартина под навесом видно не было. Порыв холодного ветра горстью рассыпал капли по и без того мокрому полу.

– Черт!

Невольно ловя дождь ртом, я торопливо затворил створку, вдвинул засов в паз.

– Адова погодка, сэр! – сказал Том.

Глаза его поблескивали в полумраке. Он с присвистом дышал. С повешенных одежд размеренно капало.

– Да уж.

Мы переобулись.

Кожаных туфель было много, пар шесть-семь. И это наводило на размышления. Хозяева явно не бедствовали, однако же предпочитали экономить на освещении.

И куда увели Родерика?

– Господа...

Я вздрогнул.

Старик со свечой появился бесшумно и почему-то из боковой арки, хотя уходил прямо через холл.

– Прошу за мной, господа.

Не дожидаясь нас, он двинулся к темному проему. Свет от свечи плеснул на низкий буфет, на картину в раме, на обивку кресла, мерцающим пятном поплыл по потолку. Тень старика пристроилась от него сбоку.

– За багаж не беспокойтесь.

Проследовав за худой фигурой по узкому коридору, мы с Томом очутились на квадратной площадке с высоким мозаичным окном. Там, над зеленью мозаичных деревьев, возвышался мозаичный янтарный холм, увенчанный солнечными лучами.

– Том, – остановился старик, – вам в людскую.

И он свечой показал на арку с уходящими вниз ступенями.

– Туда? – кэбмен с опаской заглянул в темноту. – Ни черта ж не видно, сэр! Вы как хотите...

– Там восемнадцать ступенек, – перебил его старик. – А дальше увидите миссис Пекбридж. У нее есть свеча.

– Да? – Том шагнул вниз и повернулся. Лицо его с мокрыми усами сделалось жалобным. – Вы только посветите мне сверху, сэр.

– Хорошо, – кивнул старик.

В чуть слышном вздохе его я прочитал укоризну трусливой молодости. Он опустил свечу, освещая пролет.

Том перекрестился и, шаркая туфлями, пропал в арке.

– Да! – мгновение спустя услышал я его голос. – Я вижу свет! Я иду на свет! Черт!

Судя по звуку, кэбмен запнулся и упал.

– Все-все, я снова иду на свет.

Старик завел глаза к потолку.

Грянул раскат, цветные тени от окна прыгнули на стену, волосы старика на миг сделались золотистыми.

– А вас, сэр, прошу сюда. В столовую.

Он повел меня примыкающей к площадке короткой застекленной галереей.

– А Родерик? – спросил я.

– Он уже там. Собственно, – повернулся старик, – у нас обеденное время, сэр. Поэтому все сейчас там.

– А чем кормят?

– Жаркое из баранины, свиной паштет, овощи, мясной пудинг. Чай. Виски. Аперитив.

– Я, признаться, был бы не против.

– Разумеется, сэр.

За галереей мы прошли под лестницей и оказались у двустворчатых дверей. Старик взялся за ручку. Мне так отчетливо представилось вдруг, что внутри меня ждет нечто страшное, жуткое, навешное грозой, вроде пира вампиров или сатанинской мессы, что я, похолодев, зажмурился.

Но тут же услышал знакомый голос:

– А, мой друг, вот и вы!

Длинный стол тянулся из одного конца столовой в другой – там, на фоне не занавешенного окна, стояло пустое кресло с высокой спинкой. Потрескивая, горели в подсвечниках свечи, стыло на тарелках жаркое, темнело стекло бутылок.

Гарпаст, с запровленной под горло салфеткой, сидел на ближнем к дверям краю.

– Мистер Джонатан Ривольд, – объявил старик.

И, пройдя вперед, чуть отодвинул стул напротив Родерика.

– Извините, что вот так... – сказал я, разведя руками перед собравшимися обедать, – обстоятельства, дождь... Гроза!

– Будьте добры, – последовал жест.

Я сел.

– Про грозу я уже сказал, – наклонившись, шепнул мне Родерик.

Из темного угла выскользнула молоденькая горничная, поставила передо мной тарелку. В бокал плеснуло красное.

Пригубив недурное вино, я взялся за нож и вилку.

– Джонатан, – качнул головой Родерик, – проявите уважение, мы пока не обедаем.

– А почему?

– Ждем хозяина.

Я посмотрел в сторону собравшихся за столом обитателей поместья.

Их было пятеро. Трое со стороны Родерика. Двое – через пустой стул – с моей. И да, никто еще к жаркому не притронулся.

Близко к Родерику сидел худощавый мужчина лет пятидесяти. Лицо у него было вытянутое, с брезгливо выпяченной нижней губой, тонким носом, темными кругами под блеклыми серыми глазами. Морщинистый лоб, гладко выбритые щеки, хотя на левой виднелся свежий порез. Одет он был в белоснежную рубашку и жилет с выточкой, кисти рук с тонкими ухоженными пальцами лежали на столе, но от меня не укрылось, что правая напряженно вцепилась в вилку.

Ощутив мой взгляд, он медленно повернул голову и, чуть наклонив ее, уставился на меня. Его мнение обо мне выразилось в дрогнувшей щеке и еще больше оттопырившейся губе. Жалкий мокрец я был для него. Принятый из милости бродяга.

И Родерик тоже.

Ну что ж... Я слегка кивнул ему и перевел внимание на его соседку слева – девушку лет девятнадцати в вязаной серой кофте поверх красного платья с круглым воротничком. У нее были пышные каштановые волосы, заколотые простеньким гребнем. Лицо было миловидным, слегка пухлым. Складка над бровями выдавала напряжение или неудовольствие. Смотрела она строго на обод своей тарелки, но губы не шевелились. В этом неподвижном взгляде чудилась такая глубокая незаинтересованность в окружающем мире, что я подумал о душевном нездоровьи. Но тут девушка, опровергая мою догадку, подняла голову, на щеках обозначились ямочки, а светло-серые глаза обежали сидящих, с некоторым удивлением остановившись на мне.

Ее тонкая рука начала уже приподниматься, когда мужчина в жилете накрыл ее ладонь своею и что-то неслышно шепнул на ухо.

Покраснев, девушка снова принялась изучать белизну обода с капелькой жира на кромке.

Я заметил вдруг, что они очень похожи. Возможно, отец и дочь. Скулы, овал подбородка. Определенно, близкие родственники.

Третьим соседом Родерика был мужчина лет сорока, усатый, по-военному стриженный, в мундире капитана королевской артиллерии. Правую щеку его пересекал длинный шрам, оттягивая вниз уголок рта. Сидел он прямо, неподвижно, с выражением тупого безразличия на обветренном, грубом лице. Его вилка была вызывающе воткнута в кусок мяса. Было видно, он бы давно расправился с обедом, но вынужден соблюдать субординацию.

Впрочем, подумалось мне, судя по раздраженно шевелящимся усам, субординация скоро пойдет к черту.

С моей стороны – через пустой стул – прокручивала в тонких пальчиках бокал женщина лет двадцати пяти. Похоже, скучала. Именно она жестом пригласила меня к столу.

Синяя юбка. Жемчужно-серый жакет с фестонами по рукаву. Белая блуза с вырезом. Черные волосы зачесаны назад.

В ушах – серьги. На пальце – кольцо. Нитка жемчуга в два ряда охватывает шею.

Накрашенные губы ее были слегка изогнуты, но я не осмелился бы назвать этот изгиб улыбкой. Скорее, чудилась в нем какая-то защитная реакция.

Да тут клубок змей! – чуть не выдохнул я вслух, поймав брошенный в ее сторону короткий, исподтишка, взгляд артиллериста.

В нем сквозила такая ненависть, что я невольно передернул плечами. Она отказала ему? Или здесь нечто иное?

Может, семейное?

Последний сидящий был мне не виден. Чуть наклонившись, я заметил женский профиль с завитой прической и сложенные в «замок» тонкие пальцы.

Вроде бы горчичного цвета, судя по рукавам, платье.

Роняя на пол косую тень оконного переплета, сверкнуло небо.

– М-да, – произнес вдруг мужчина в жилете.

На слух в этом «м-да» было едкое разочарование отсутствием хозяина.

Гарпаст потерял салфетку, погляделся в отражение столового ножа и на жаркое. Где-то, в другом помещении, грянули часы.

Гул разнесся по дому.

– Семь, – констатировал артиллерист.

– Оливер, – словно ожив, обратилась к старому слуге моя – через стул – соседка, – вы не могли бы поторопить Монти?

Ни от меня, ни, думаю, от Родерика не укрылось, как озадаченно посмотрел на нее старик и как слегка качнул головой «жилетный».

Похоже, голос ее был здесь ничтожен.

Наверное, в поместье она недавно. А вот в каком качестве? Сидящие со стороны моего друга обитатели дома явно находятся к ней в оппозиции.

Но – Монти? Она сказала «Монти». Может быть, молодая жена хозяина? Главы семьи?

Я кашлянул.

– Такой дождь, – сказал я. – Мы ехали...

– Беседа перед едой, – выразительно глянув, перебил меня «жилетный», – портит аппетит.

Артиллерист усмехнулся. Девушка, гипнотизирующая тарелку, вздрогнула.

– Отчего же? – развернулась в пику «жилетному» ко мне соседка. – Мне как раз интересно послушать.

У нее были большие светло-зеленые глаза и вообще очень приятное лицо. Правда, оно казалось осунувшимся и напряженным.

– Итак, вы ехали...

– Да, – кивнул я, – мы сошли в Биконсфилде. Там была история...

– Оливер, будь добр, – повысив голос, произнес «жилетный», – сходи-ка, действительно, к Монтгомери. Узнай, скоро ли он спустится.

– Да, сэр.

Слуга, повернувшись, поспешил исполнить указание.

Улыбка моей собеседницы на мгновение погасла, но она быстро с собой справилась.

– Так что за история?

– Анна!

«Жилетный», не удержавшись, хлопнул по столу ладонью. Соусница, подпрыгнув, плеснула желтым.

– Дьявол!

Он встал. С грохотом отлетел стул. Соус, оказалось, испачкал бок рубашки.

Белея лицом и передником, выбежала из угла горничная, девчонка лет семнадцати, моложе, чем мне увиделось поначалу, сунулась к нему с полотенцем.

– Позвольте, сэр.

– Да ладно, – «жилетный» в раздражении разрешил ей не больше, чем торопливо промокнуть ткань, – потом.

Взмахнув рукой, он сел снова.

Горничная убрала соусницу, потеряв лужицу на столе.

Дождевой заряд омыл окно.

От громового раската задрезжали стекла и закачались свечные фитили.

– Вот это славно, – жмурясь, обронил артиллерист, которому, видимо, вспомнилась пушечная канонада.

Мой друг Гарпаст в это время, не обращая внимания ни на грозу, ни на происходящее за столом, медленно, но неуклонно опускался лбом на жаркое.

О, Бог мой! Почему? Почему Родерик выбрал самое неподходящее время, чтобы отрешиться от бренности и суетности мирской?

Я слегка сполз на стуле вниз и под столом наугад пнул его по ноге.

Как ни странно, вскрикнул не Родерик, вскрикнул «жилетный». Глаза его округлились.

– Что-о?

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал я.

– Вы! Вы стукнули меня по ноге!

– Я промахнулся.

– Что? Аккурат в косточку!

– Я не хотел, – сказал я, чувствуя, что привлек всеобщее внимание. – Просто мой друг...

– Что – ваш друг?

«Жилетный» словно впервые посмотрел на Родерика. До столкновения с жарким оставалось дюйма три, не больше.

– Ваш друг заснул? – удивленно спросил «жилетный». – Или болен?

Я заметил, как перекрестилась Анна.

– Видите ли... – сказал я.

И, развернув носок, пнул вторично.

На сей раз попал удачно. Гарпаст вскинулся, таращась.

– Нет-нет, я вовсе не болен, – затараторил он. – Просто изучал способ прожарки. Я более чем уверен, что это мясо готовилось на вертеле.

Родерик закрутил головой, обегая собравшихся невинными глазами. Я вздохнул. Анна одарила его натянутой улыбкой.

– Ваш друг пнул меня, – проворчал, успокаиваясь, «жилетный».

– Ничего страшного, сэр, – наклонился к нему Гарпаст, – он и меня тоже пнул. Это очень несдержанный молодой человек. Простим его?

– Как хотите.

– Да где этот Оливер? – грянул артиллерийский капитан. Потом пошевелил усами. – В конце концов, мы можем начать и без отца. Холодное мясо становится как сапожная подошва. Полюбуйтесь, – он поднял обжаренный кусок на вилке, – все, уже невозможно есть.

Сын, подумал я.

Наверху, получается, отец. «Жилетный», наверное, брат. С дочерью. Анна – жена и мачеха.

Молодая. Ненавидимая.

Неясной для меня осталась только женщина, сидящая за Анной. Кто она? Что она? Какое-то молчаливое существо.

И все же – от что значит тесное общение с выдающимся детективом! Не прошло и десяти минут, а я уже могу сказать, кто кому кем приходится.

Мало того, могу даже представить, кто к кому какие чувства испытывает. С любовью, конечно, эти чувства сходство имеют весьма отдаленное.

Нет, я мастер!

Я даже приосанился, свысока оглядывая общество. Хранят свои секреты, хранят, а для внимательного человека все они – как на ладони.

Родерик вздохнул, с тоской взирая на нетронутый обед.

– Так мы едим?

– Нет! – «жилетный» сдернул салфетку с шеи. – Я сейчас поднимусь и поговорю с Монтегомери. Сам же завел правила...

Он встал. Салфетка, наоборот, упала.

Но покинуть нашу голодную компанию ему было не суждено.

Появившийся в дверях Оливер тут же прислонился к створке. Ноги не держали его. Свеча прыгала в руке, и отблески пламени только усугубляли выражение ужаса на лице. Какое-то время он только и делал, что беззвучно открывал и закрывал рот.

– Ну! – хмурясь, поторопил его «жилетный». – В чем дело? Он идет?

– Мистер Рэндалл... – наконец выдохнул старик. – Сэр Рэндалл убит!

И сполз вниз.

– Боже мой!

– Невозможно!

– Убит?

Разом загрохотали отодвигаемые стулья.

Оливер был перемещен на кушетку, над ним захлопотала горничная. Артиллерист подхватил свечу, Анна, «жилетный» и молчаливая женщина сгрудились вокруг него.

– Нам надо идти и посмотреть! – решительно произнесла последняя.

Она оказалась обладателем низкого, почти мужского голоса. А также усиков, тяжелой челюсти и грушеподобной фигуры. Темное закрытое платье. Вязаная шаль.

Я так и не смог определить, кто она. Компаньон владельца? Сестра? Дальняя родственница?

– Да-да, – подтвердила взволнованно Анна, – нам необходимо убедиться...

Вчетвером, тесной группой, они двинулись из столовой.

Но тут слово взял Родерик. Ослепительный. Великолепный. Вдохновенный.

– Стойте! – крикнул он.

На него обернулись.

– Стойте! – повторил Родерик. – Я – Гарпаст! Убийства – по моей части.

– Вы – кто? – качнулся на носках артиллерист.

– Детектив Родерик Гарпаст, – представился мой друг. – Это во-первых. А во-вторых, нам нужно больше света.

Он подхватил подсвечник со стола.

– Идемте.

В нем было столько уверенного напора, что никто не осмелился ему возражать. Мало того, никто не стал оспаривать его самозваное лидерство.

Перед ним расступились.

Родерик поднял подсвечник повыше.

– Джонатан! – позвал он меня.

Бросив взгляд на так и уткнувшуюся в тарелку девушку, я присоединился к нему в дверях. Глаза у Гарпаста лихорадочно блеснули.

– Наконец-то нам свезло, – шепнул он мне, – Убийство, мой друг, убийство! – И добавил уже для всех: – Вперед!

Глава 4. Труп и все остальные

По скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж.

– Теперь направо, – подсказал «жилетный», когда коридор разделился на два рукава. – Там у Монтгомери кабинет.

Стены выступали из темноты.

Картины. Узкие тумбы с вазами. Прямоугольники дверей.

– Нет, я не понимаю, почему вы экономите? – тихо возмутился Родерик. – Дело, конечно, не мое, но свечи дешевы.

Окно в конце коридора осветилось молнией.

Я имел несчастье в этот момент оглянуться на следующих за мной обитателей поместья – выражения лиц застыли, словно схваченные фототипией.

Скорби не было ни на одном.

Мало того, радостный оскал артиллерийского капитана трактовать приходилось однозначно – он не испытывает по поводу смерти отца ни йоты сожаления.

Запомним.

Молния погасла.

– Понимаете, э-э... – подал голос «жилетный».

– Родерик, – напомнил Гарпаст.

– Да, Родерик... Мой брат уже стар и несколько чудаковат. К тому же от света у него периодически болели глаза. Поэтому...

– Понятно, – не слишком вежливо оборвал его мой друг.

Массивная дверь кабинета единственная была приоткрыта. Изнутри пробивалась полоска совсем тусклого света.

– Это, похоже, слуга не закрыл, – пробормотал, посмотрев на меня, Гарпаст.

– Или убийца, – сказал я.

За моей спиной кто-то судорожно вздохнул. Анна?

– Так, – повернулся Гарпаст, – мы войдем первыми.

– А мы? – обиженно произнес «жилетный».

– А вы можете смотреть с порога.

Гарпаст отдал мне подсвечник и, присев, осмотрел дверной замок. Похмыкал, выпрямился, что-то сложное изобразил лицом и одним пальцем толкнул дверь.

Она распахнулась без скрипа.

Кабинет освещала всего одна свеча, еще и закрытая чем-то вроде бумажного абажура. Она стояла на краю широкого стола.

Углы кабинета тонули во тьме. Сквозь шторы угадывалось окно. Закрытое. Шум дождя был едва слышен.

Мистер Монтгомери Рэндалл, раскинув руки, лежал на столешнице лицом вниз. Моему взору предстал желтоватый череп в обрамлении редких волос.

– Боже, – сказала женщина с низким голосом.

На затылке мертвеца неподвижно сидел голубь. Крылья чуть расправлены, голова повернута влево, светится янтарный глаз.

И только присмотревшись можно было определить, что птица является вырезанным из камня пресс-папье.

– Итак...

Гарпаст ступил в кабинет.

Он не подошел сразу к столу, а, шурясь, огляделся и направился по левой стене в обход.

– Джонатан, будьте добры, свет.

Я шагнул следом.

– Нет-нет, – сказал мне Родерик, – встаньте справа от двери.

– Как скажете.

Я застыл рядом с гравюрой, запечатлевшей мрачный берег Темзы.

Постукивая по стенным панелям, мой друг медленно продвигался к окну. Взгляд его казалось бы беспорядочно блуждал, но я не сомневался, что Гарпаст сейчас замечает все до мельчайших деталей.

Бордовый ковер на полу чист. Стулья стоят ровно. Пыль на мебели отсутствует.

Часть стены занимал книжный шкаф, и его Родерик едва удостоил вниманием – обогнул, выбив кончиками пальцев легкое стакатто по боковине.

Бюро в углу. Подоконник...

Скрывшись за шторой, Гарпаст подергал створки окна. Штора колыхала складками.

– Прекрасно...

– Что прекрасно? Что прекрасно-то? – на высокой ноте спросила Анна. – Монти...

Монти, он все?

– Погодите, – сказал я. – Сейчас все выясним.

Между подоконником и придвинутым к столу креслом расстояние было небольшое, и Родерику пришлось протискиваться.

Оказавшись по другую сторону стола, он дотронулся до руки и шеи мертвеца, проверяя пульс, затем внимательно осмотрел примостившуюся на затылке птицу.

– Крови совсем немного.

– Так он мертв? – нетерпеливо спросил «жилетный».

– Да, – сказал Родерик, – но признаков трупного окоченения еще нет. Кисти холодные. Скорее всего, его убили не более двух часов назад.

Застывшие в дверном проеме переглянулись.

При этом я увидел, как «жилетный» едва заметно кивнул племяннику-артиллеристу на Анну. Ох, не любили они ее!

Но как не признать, что смерть старого мужа в первую очередь выгодна молодой жене, а теперь, получается, вдове?

Правда, при наличии завещания...

– Джонатан! – позвал меня Гарпаст.

– Свет? – я приблизил подсвечник к столу.

– И это тоже, – Родерик аккуратно, за крылья, приподнял каменного голубя. – Будьте добры, сейчас отклоните мертвеца.

– Куда?

– В кресло.

Я замешкался, не зная, куда деть подсвечник.

Извилистая молния неожиданно полыхнула за окном, кто-то ахнул, на короткий миг вспышки птица в руках Родерика ожила, словно бы дернула лапами...

– Джонатан, вы где? – рявкнул Гарпаст.

– Здесь.

Я брякнул подсвечник на столешницу и занялся мертвым мистером Рэндаллом. Просунув руку под грудь, я отклонил его назад. Безжизненная кисть стукнула о подлокотник. Седые волосы мазнули меня по носу. Тело попыталось сползти вниз, но я вовремя поймал его и подвинул вглубь кресла.

К лицу мертвеца прилип лист бумаги.

– Не надо, – сказал мне Родерик, едва я протянул пальцы, чтобы его сорвать.

Он поставил пресс-папье на освободившееся место.

Там, где лежал мистер Рэндалл, на зеленое сукно была опрокинута чернильница, часть чернил впитала растрепанная пачка чистой бумаги, часть, видимо, задержанная чем-то, образовала пятнистый узор. Рядом обнаружилось и перо.

Гарпаст, приподняв руку мертвеца, показал мне измазанные чернилами пальцы и ребро ладони.

Я кивнул.

– Но нигде нет ни одного исписанного листа, – шепнул мой друг. – Если, конечно, он не на лице.

– А корзина для бумаг? – шепнул я в ответ.

– Пуста.

– Что вы шепчетесь? – недовольно спросил «жилетный». – Мы родственники убитого и, я думаю, имеем право...

– Да? – Родерик мимо меня стремительно шагнул к двери. – В первую очередь вы все находитесь у меня в потенциальных убийцах. Все! Родственники, не родственники, обслуга, не обслуга – все! Кто-то из вас – убийца! Кто?

По побледневшим лицам я понял, что вопрос моего друга застал их врасплох. Обитатели поместья, кажется, только сейчас начали осознавать, какое чудовище находится среди них.

И чудовище это – не Гарпаст.

– Но постойте...

– Да? – вернувшийся к столу Родерик обернулся.

– Мы же все были в столовой, – промямлил «жилетный». – Мы просто физически не могли...

– В течение последних двух часов? Все были в столовой?

– Нет, но...

– Мы все выходили, – негромко сказала Анна. – Даже Матильда.

– Не смейте подозревать мою дочь! – выкрикнул «жилетный». – Уж она-то здесь совершенно ни при чем.

– Я видела ее, Персиваль.

– Что вы видели, Анна, что? Она больна!

– Сомневаюсь, – одними губами произнесла Анна.

Родерик с интересом наблюдал.

– На вашем месте, Анна, я бы побеспокоился о себе, – сказал артиллерист, усмехнувшись в усы. – Вы как-никак – первая на подозрении.

– А вы, Уильям, все не можете простить мне, что я выбрала не вас?

– О да, вы предпочли отца сыну!

– Негодяй!

– Тварь!

– Замечательно! – воскликнул Гарпаст, когда молодая женщина и зрелый мужчина уже готовы были сцепиться. – Мезальянс и ревность, может быть даже ненависть... У меня не будет проблем с мотивами.

С этими словами он сдернул с лица убитого прилипший бумажный лист. Голова Монгомери Рэндалла склонилась к плечу, с мягким звуком вернулась на место губа. Труп словно причмокнул. Мне стали видны черные от чернил щека и челюсть. А левый, налитый кровью глаз изумленно вытаращился на Родерика.

– Ну-ну, – сказал мой друг и пальцем опустил мертвецу веко.

Я заключил, что, судя по глазу, а также приоткрытому рту и приподнятым бровям, Монгомери Рэндалл умер в некотором удивлении.

Вполне возможно, сама смерть стала для него неожиданностью. Неужели я умираю... – мог подумать он в последний угасающий момент.

Но также он мог удивиться убийце.

И ты – Брут, Уильям, Анна, Матильда, Оливер, Персиваль, миссис Пекбридж...

– Ничего, – сказал Родерик, повертев лист. – Края в чернилах, несколько царапин сухим пером. Ни намека на какие-либо буквы.

Он еще раз прошел за креслом, туда и обратно, словно примериваясь дать труп подзатыльник.

– А били, скорее, стоя слева. Прямо за спиной слишком высокая спинка, справа... Нет, справа отражение в шкафу, могло спугнуть, выдать... Впрочем, если левша...

Родерик размышлял вслух, и столпившиеся в проходе внимали ему, затаив дыхание.

От меня не укрылось, что они образовали два враждующих лагеря. «Жилетный» Персиваль и военный Уильям белели лицами по одну сторону двери, а Анна и мужеподобная женщина – по другую.

Гарпаст тем временем сползал к убитому за пазуху.

На Монтгомери Рэндалле был шерстяной, на шелковой подкладке коричневый халат, порядком протершийся в рукавах. Под халат, на сорочку был одет стеганный жилет бордо, вот его-то внутренние карманы и стали для моего друга первой целью.

– Ничего.

Родерик посмотрел на свои пальцы, словно они преподнесли ему неприятный сюрприз.

– Никакого уважения, – услышал я бормотание мужеподобной.

Затем, опустившись на корточки, Гарпаст проверил уже карманы халата. И тоже без особого результата. Единственное, что он выудил, это красную нитку, которую тут же, в раздумье, намотал себе на мизинец.

– М-да, – сказал он и повернулся к родственникам. – Загадочно. Но это мы выясним.

– Что выясним?

– Все! – Гарпаст оглядел присутствующих. – И первое, определим, кто видел убитого последним. Я думаю, для этого нам стоит вернуться в столовую.

– А как же Монти? – удивленно спросила Анна.

– Монтгомери Рэндалл мертв, – сообщил Родерик. – И я бы пока оставил его здесь. А в будущем... У вас есть склеп или подвал?

– О, Монти!

Пряча лицо в ладонях, Анна разразилась рыданиями. Надо сказать, довольно натуральными. Похоже, горечь утраты настигла ее только сейчас.

– О, Монти, милый Монти!

– Да ладно вам, – кривясь, сказал ей Персиваль.

Вместе с Уильямом он двинулся прочь от кабинета. Обняв мужеподобную, следом за ними пошла и Анна.

Меня Родерик придержал за рукав.

– Пойдите, Джонатан. Вы мне еще нужны. – Помедлив, он выглянул в коридор, желая убедиться, что подслушивать нас некому. – Гадюшник, честное слово. Мне думается, каждый из них мог убить. Даже этот старый слуга. Но! – он подвел меня к столу. – Скажите, вам ничего не показалось странным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.